
Егор Синенко
Восхождение Чёрной Короны
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Егор Синенко

Восхождение Чёрной Короны

«Автор»
2026

Синенко Е.

Восхождение Чёрной Короны / Е. Синенко — «Автор», 2026

Чёрная корона на черепе с виноградом и цветами на столе над которым стоит человек 19 века в чёрном костюме

© Синенко Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Итальянский алкоголь (1796-1820г.) 5
Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 21
Глава 5 27
Глава 6 33
Глава 7 40
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Егор Синенко
Восхождение Чёрной Короны

Часть 1. Итальянский алкоголь (1796-1820г.)

Глава 1

Автор: Эта история положила своё начало тёплым летом в Неаполе 1796 года. Ветерок плавно обдувал парус корабля, а река весело шумела. Солнце стояло в самом зените. Сегодня была отличная погода — ни одного облачка. Между портом и городом стояла толпа людей. Дети — в лёгких рубахах, взрослые — в слегка приталенных кафтанах с расширяющимися от талии полами, длиной до колен. Рыбаки, словно под пение птиц, весело везли рыбу на базар, где уже собралось множество покупателей. Люди неловко сталкивались плечами и кланялись в знак извинения.

После небольшой перепалки продавца и покупателя в лавку, между вазами и рыбой, вошёл мужчина. Он снял со своей повозки несколько ящиков винограда и поздоровался с продавцом рыбы. Этого мужчину в рубашке, соломенной шляпе и поджатых панталонах звали Лука Короно. Он был самым обычным жителем культурного европейского города.

Под вечер, после того как солнце уходило в закат, он любил зайти в пивной дом и пропустить кружку-другую с продавцом помидоров. Но больше всего он любил и одновременно ненавидел играть в карты. Однажды, поставив крупную сумму, он проиграл с козырным королём, пропустив пиковую шестёрку. Она ему в кошмарах снилась.

У Луки был небольшой палисадник, где он выращивал виноград. Сейчас, в самый разгар урожая, он собирал его ящиками и за день продавал на двадцать серебряных монет. Перед окончанием дня, после похода по барам, он заходил за булкой хлеба и возвращался домой, где его ждали дети — Лоренцо, Леонардо и Изабела Короно. Его прекрасная жена скончалась полгода назад от тифа. Дети сутками сидели над умиравшей матерью, а отец тихими поцелуями пообещал беречь самое дорогое, что у него есть.

К его лавке подошла молодая женщина лет девятнадцати с ребёнком на руках. Он протянул им две веточки винограда и получил три серебряные монеты. Девушка убрала виноград в пакет и, придерживая ребёнка, пошла дальше, вдоль залитой солнечным светом улицы.

Лука задержал взгляд на её великолепном обличии. Эта девушка так сильно напоминала ему его младшую дочь - Изабеллу. Но она, к счастью, не принесла ребёнка в подоле, хотя ей тоже было девятнадцать лет.

Повернув голову в сторону лёгких, словно пушинки на ветру, кораблей, он увидел, как продавец рыбы красочно описывает свой товар.

Продавец рыбы: Свежая рыба! С самого рассвета в сетях билась!

Автор: Городской господин с тростью нахмурился и ткнул ею в окуня.

Покупатель: А отчего же она на меня столь печально взирает?

Автор: Продавец, не мигая, ответил:

Продавец рыбы: Тоже, видимо, смотрит, как вы на цену, и удивляется. Берите, синьор, не пожалеете.

Автор: Господин согласился купить две рыбы и протянул четыре серебряные монеты. Продавец рыбы весело и слегка игриво посмотрел на Луку и поднял брови. Лука ухмыльнулся и, увидев, как господин проходит мимо его лавки, сказал:

Лука Короно: Синьор.

Автор: Лука чуть поклонился, подавая ему веточку двумя руками, будто драгоценность.

Лука Короно: Попробуйте. Виноград с места, где солнце в земле спит.

Автор: Господин взял веточку с осторожностью, как берут тонкий бокал. На ягодах блестели мелкие капли воды. Лука перед этим нарочно сбрызнул их из глиняного кувшина, чтобы они казались ещё свежее. Господин отломил одну ягодку, раздавил её зубами, и по его лицу пробежала тень неожиданного удовольствия.

Покупатель: Чудесно.

Автор: Лука краем глаза видел, как старик-рыбник злобно поправляет свои ящики. Парень улыбнулся и чуть громче обычного произнёс:

Лука Короно: Для такого уважаемого синьора я выберу лучшие ветви. Рыба портится к вечеру, а этот виноград до ночи будет как только что сорванный. Под тёплую свечу вечером вы можете с женой отрывать по одной ягодке и класть себе в рот.

Автор: Несколько прохожих, услышав сравнение, обернулись от рыбного ряда к винограду. Людям вдруг стало проще вообразить на своём столе прозрачные ягоды вместо тяжёлой, пахнущей морем рыбины. Рыбник фыркнул, но промолчал.

Лука тем временем ловко отрывал лишние стебли, сложил на чистую, накрахмаленную тряпицу три самые полные веточки и подал господину, словно поднос с драгоценными украшениями. Тот расплатился звонкой монетой, не торгуясь, и, отходя, заметно держал пакет с виноградом так, чтобы весь ряд прилавков видел его выбор.

Лука почувствовал, как приятным теплом внутри разливается тихая победа. Он вытер руки о фартук, взял новую веточку, поднял её на уровень глаз, чтобы солнце прошло сквозь ягоды, и громко, почти празднично крикнул в толпу:

Лука Короно: Виноград сладкий, как удачный день, синьоры! Подходите, пока солнце ещё над нами, а не в чужом кармане!

Автор: Толпа улыбнулась, и к его прилавку потянулись новые руки. Где-то за спиной недовольно звякнула рыбья чешуя о нож, но Лука уже знал: в этот день базар пахнет не только морем, но и его, Луки, победой.

Уже вечером Лука прошёл вдоль жилого здания, где женщина только что сняла постиранное бельё, и зашёл за угол. Он направлялся прямо вдоль небольшой речки, которая плавно протекала мимо одного из домов. Пройдя за угол, он увидел знакомое лицо, но вместо того, чтобы протянуть руку для приветствия, развернулся и, прикрыв взгляд шляпой, направился в противоположном направлении. За его спиной послышались радостные крики.

Мужчина: Лука! А ну иди сюда, родной!

Автор: Лука сильно потянул кожу лица и, слегка смеясь, сказал:

Лука: Лаэрте. Привет.

Автор: Уже слегка пошатываясь, Лаэрте подошёл и, дыша на Луку сильным перегаром, сказал:

Лаэрте: Ты слышал, что карточный долг — это святое и его нужно обязательно отдать? Где мои двести серебряных монет?

Автор: Скрипя зубами, Лука ответил:

Лука Короно: У тебя карты с собой? Хотя ты в баре то и дело играешь в карты, поэтому давай раздавай. Я сейчас отыграюсь.

Лаэрте: Давай на пятьдесят процентов. Если выиграешь, то будешь должен мне на сто монет меньше. Проиграешь — на сто больше. Идёт?

Автор: В глазах Луки блеснул азарт, в крови — жажда, в мозгу — рвение.

Лука Короно: Идёт. Раздавай.

Автор: Оба присели за стол и заказали по кружке пива. Положив в отбой восемь карт, Лука вспомнил, что там лежала очень сильная карта. Посмотрев на Лаэрте, он увидел, как

тот закрывает взгляд кружкой пива. Слегка пригнувшись, Лука начал переворачивать карты в отбое. Увидев пиковую даму, он тут же прикарманил её в свой карточный веер.

Он пошёл с двумя десятками. Лаэрте отбил их дамой и козырем. Лука подкинул даму, а его оппонент с качающейся головой сначала кинул не ту карту, но потом отбился правильно.

«Да он пьян. Карт мало. Я обыграю этого пьяницу», — думал про себя Лука.

Пока Лаэрте запрокинул голову, чтобы допить пиво, Лука начал переворачивать карты в отбое и, достав червовую семёрку, положил её обратно. Увидев, что Лаэрте уже ставит кружку на место, Лука перевернул карту и увидел козырного туза.

Кружка с грохотом опустилась на стол, и Лаэрте увидел, как быстрая рука Луки вместе с новой картой из отбоя переместилась в его карточный веер. Он с размаху кинул карты в Луку и сказал:

Лаэрте: Ах ты, figlio di puttana! (Сукин сын, ит.) Обмануть меня вздумал?

Автор: Лаэрте быстро встал со стула и толкнул Луку. Тот упал на землю. Лаэрте забрался на него и начал наносить сильные удары по носу. Женщины с ужасом отходили от этой драки подальше.

Нанеся очередной удар, Лаэрте со злостью отошёл назад. Лука быстро поднялся. Зажимая нос, из которого сильно текла кровь, и напрягая ноги, он начал, прихрамывая, бежать в сторону своей повозки. Лаэрте кричал ему вслед:

Лаэрте: Ты теперь должен мне двести пятьдесят монет, ты, stronzo! (Мудак, ит.)

Автор: В спешке, сильно спотыкаясь, Лука направился к своей повозке.

Луку трясло ещё до того, как он толкнул дверь трактира. Кулаки Лаэрте до сих пор звенели в голове: левый глаз наливался фиолетовым, губа распухла, рубаха на плече была размазана бурой полосой засохшей крови. Каждый шаг отзывался в рёбрах тупой болью, но жгло его не тело — жгла злость и стыд.

Едя на лошади и, прикрывая нос рукой, он увидел, как двое мужчин на своих плечах выносили пьяного мужчину из пивного дома. Его повозка подпрыгнула на нескольких кочках, и он услышал, как в его кармане звенят серебряные монеты. Сегодня он хорошо заработал.

Остановив повозку, он слез и, пропустив пьяных господ, вошёл внутрь пивного дома.

Внутри было тесно и жарко. Свечи чадили над столами, пивной дух смешивался с запахом жареного мяса, голоса сплетались в один густой гул. Несколько голов обернулись на Луку. Кто-то прыснул, увидев его разбитое лицо, но через мгновение трактир снова погрузился в свои дела. В 1796 году в портовом Неаполе избитый мужчина был зрелищем почти таким же привычным, как опрокинутая кружка.

Хозяин, низкий и широкий, как бочка из-под пива, поднял глаза от стойки.

Хозяин пивного дома: Лука… Тебя что, кирпичной стеной угощали?

Лука Короно: Стеной с руками.

Автор: Хрипло, почти вполголоса, ответил он:

Лука Короно: Налей так, чтобы до завтра не помнить, как меня зовут.

Первая кружка пива ушла почти без сопротивления, едва коснувшись языка. Горячая терпкая жидкость обожгла горло, смыла металлический привкус крови. Вторая разогрела грудь, а вместе с ней заставила тупую боль в груди на мгновение отступить.

К третьей мир вокруг начал плавиться: лица сливались в пятна, смех казался далёким, как прибой, столы слегка покачивались, будто трактир вдруг оказался на корабле.

Лука сидел, уткнувшись взглядом в тёмно-красную глубину кружки. Пиво казалось почти чёрным, как та самая ночь, когда умерла его жена. Между вспышками света и шума к нему прорывались отдельные мысли: «Двести пятьдесят монет», «Дети ждут», «Лаэрте смеётся».

Он снова поднял кружку, и рука дрогнула, пролив несколько капель на стол.

Когда он наконец поднялся, ноги будто перестали ему принадлежать. Пол мягко поехал в сторону, столы лениво качнулись, потолок опустился чуть ниже. Лука ухватился за край стойки, расплатился, долго пытаясь попасть монетами в раскрытую ладонь хозяина пивного дома, и, спотыкаясь о порог, вышел наружу.

Ночь встретила его прохладой и влажным запахом моря. Улицы Неаполя тянулись перед ним неровной расплывающейся линией: редкие фонари разбрасывали по каменной мостовой жёлтые пятна, между которыми зиял полумрак. Лука пошёл вперёд, не столько выбирая дорогу, сколько позволяя ей самой подводить его к дому.

Он шатался от стены к стене, иногда ладонью ловя шероховатую штукатурку, чтобы не упасть. Камни под ногами то поднимались горкой, то вдруг проваливались; каждый шаг требовал усилия, как подъём по воде. Несколько раз он чуть не съехал по скользким ступеням, уходящим к реке, но цеплялся за перила, дверные косяки и случайные выступы.

Наконец показался знакомый поворот. Узкий переулок, где днём сушили бельё. Стена с трещиной в виде кривого крестика. Ещё несколько шагов — и вот она, дверь. Та самая, с потемневшим от времени деревом и железным кольцом посередине.

Лука остановился напротив, расставив ноги шире, чтобы не упасть. Дом немного плавал перед ним, как корабль на якоре. Он прищурился, пытаясь поймать неподвижную точку, но дверь то приближалась, то отодвигалась.

Лука Короно: Дом… Мой дом…

Автор: Пробормотал он, чувствуя, как язык слегка заплетается.

Он потянулся к кольцу. Пальцы промахнулись, скользнув по дереву, и ударились о железо. Лука хмыкнул и попробовал ещё раз. На третий заход рука всё-таки ухватила холодное кольцо, но, когда он дёрнул, тело качнулось в сторону, и ему пришлось прижаться плечом к косяку, чтобы удержаться.

Дверь с протяжным скрипом поддалась. Изнутри пахнуло тёплым, домашним: затхлым хлебом, дымком от очага и лёгким кислым запахом старой ткани. Где-то в глубине тихо поскрипывали доски. Наверное, во сне перевернулся Лоренцо или Леонардо.

Лука на мгновение замер на пороге, шатаясь, как человек на раскачивающемся мосту. Мир за спиной — трактир, удары, смех Лаэрте — чуть дрожал и расплывался. Мир перед ним — узкий коридор и темнота, в которой спали его дети, — казался единственным твёрдым островком.

Он сделал шаг внутрь. Нога задела порог чуть выше, чем нужно, ботинок стукнул по дереву, он качнулся и ухватился рукой за стену, оставив на ней размазанный пивом и грязью след. Второй шаг дался легче. Дверь за его спиной медленно закрылась, отрезая остатки уличного света.

Лука тяжело прислонился спиной к дереву, закрыл глаза и несколько ударов сердца просто стоял, слушая, как в тишине его собственного дома глухо стучит кровь в висках. Потом оттолкнулся от двери и, шатко переставляя ноги, пошёл туда, где в темноте дыханием троих детей держалось всё, ради чего он ещё поднимается с земли.

Он аккуратно присел за стол, и вдруг перед ним зажглась свеча. Тёплые тона света ослепили его глаза, и перед ним оказался его старший сын Лоренцо. Его чуть худые руки легли на стол. Из-под аккуратно зачёсанных набок чёрных волос смотрели карие глаза. Ему было уже чуть больше двадцати пяти лет.

Он предчувствовал, что отец придёт пьяным. В его голове не было никакого плана эффектного появления. Он просто хотел показаться отцу в тёплом свете свечи как символ идеального мужчины. Чуть шёпотом он сказал:

Лоренцо Короно: Опять ты пьян. Мать бы, увидев это, разочаровалась в таком позорище, как ты. Я сегодня целый день стоял на жаре, таская ящики в порту, чтобы сестре хотя бы чулки купить. А ты продал виноград с нашего палисадника, чтобы вновь напиться.

Автор: Лука просунул палец в нос, увидел на ладони засохшую кровь и, почувствовав сильную головную боль, сказал:

Лука Короно: Сынок, дай мне поспать. Завтра опять на работу.

Лоренцо Короно: И опять напиваться?

Автор: Лука посмотрел на него и промолчал. Лоренцо присмотрелся и увидел на лице отца синяк. Это была не тень от свечи. Это был настоящий синяк.

Лоренцо Короно: Опять карточные долги?

Автор: Лука промолчал, а Лоренцо, чуть поперхнувшись от смеха, сказал:

Лоренцо Короно: Знаешь, когда умерла наша мать, я видел твои глаза в этот момент. Ты пообещал ей, что сбережёшь самое дорогое, что у тебя есть. Я думал, это мы, но, похоже, для тебя это виноград, поскольку только благодаря ему ты можешь покупать себе пиво.

Мать заразилась тифом, когда собирала виноград. Это очень символично. Когда она была жива, вся семья тебя уважала, а ты всё потерял. Пока растут твои дети, ты должен заботиться о них. А если ты так будешь себя вести, то они продадут тебя за виноград и будут ценить его больше, чем тебя. Что посеешь, то в старости и пожнёшь.

Автор: Лоренцо поднялся со стула и сказал:

Лоренцо Короно: Раздевайся и ложись спать.

Автор: Быстро махнув рукой, он потушил свечу. Лука продолжил смотреть под стол, но потом стянул с себя штаны, лёг в кресло и уснул.

Только Леонардо, лежавший на полу и покрытый несколькими тряпками, слушал разговор своего брата с отцом. Он повернулся на бок и подумал:

Мой отец пьёт и гуляет,
Пока мать в страданиях умирает.
Лучше бы умер он, но не она
—Она любила нас, а он — чёрта с два.
Она была богиней, а он — как идиот:
Он только пьёт, гуляет и орёт.
Пока сестра стоит в одних чулках,
Она боится появляться в городах.
Она не виновата, что отец наш как дитя:
Он пьёт, гоняет карты до утра,
Всегда смеясь и весело шутя,
Когда она хочет сидеть у тёплого костра.
Я не люблю своего отца.
Он будет гулять и пить до самого конца.

Глава 2

Автор: На следующий день Лука тихим шагом добрался до базара. Солнце сильно обжигало его кожу и голову, которая словно кипела после вчерашних кружек пива. Подправив пару веточек винограда и заработав до полудня тридцать монет, он увидел, как приехала большая повозка. Мужчина с густой бородой поставил несколько корзин с углём. Люди, увидев это, начали сбегаться к его лавке. За пару мгновений он продал угля на пятьдесят монет больше, чем Лука заработал за всё утро.

Уголь сильно перебивал запах свежего винограда. После вчерашнего вечера и так было тяжело дышать, а сейчас воздух был таким, словно Лука оказался на самом дне шахты. Обернувшись к горе, где находилась угольная шахта, Лука увидел, как оттуда, среди горных пород, несколько мужчин вывозили целые телеги угля.

Неожиданно со стороны жилых домов послышались женские рыдания и крики:

Женщина: Мама!

Автор: Лука обернулся и увидел, как двое мужчин заталкивают в повозку молодого парня, который изо всех сил брыкался и умолял мать забрать его.

Лука спохватился, подбежал к двум мужчинам и оттолкнул одного. Но тут подбежал второй, сильно толкнул Луку, и тот упал прямо на лавку с лимонами. Спелые жёлтые плоды покатились ему на голову. Не успел он подняться, как мужчина ударил его прямо в челюсть.

Он бил Луку до тех пор, пока парня не запихнули в повозку. Затем мужчина отошёл. Лука поднялся и, подбежав к плачущей матери, громко закричал:

Лука Короно: Люди, посмотрите! Они отнимают у матери ребёнка и избивают людей!

Автор: Неожиданно на плечо Луки легла грубая мужская рука. Он обернулся и увидел городского господина — чуть седого и слегка сгорбленного. Мальчик выглянул из повозки и прокричал:

Мальчик: Папа!

Автор: Отец бедного мальчика обнял плачущую мать и сказал:

Мужчина: Дорогая, всё будет хорошо. Он поработает в шахте, заработает себе на пропитание, а мы расплатимся с долгами.

Автор: Женщина перестала плакать. Её слёзы словно испарились с лица, и она сказала:

Женщина: Ты продал нашего сына в шахту, ты, придурок!

Автор: Она сняла с головы платок и начала бить им своего мужа. Толпа людей с удивлением и испугом смотрела на эту сцену. Мужчина начал убегать, а жена побежала за ним с такой злостью, что ей мог бы позавидовать сам дьявол.

Лука посмотрел на мужчину, который сильно потрепал ему лицо. Оба мужчины крепко держали ребёнка за руки, и повозка тронулась в сторону горной шахты.

Толпа людей спокойно разошлась. Людей продавали в шахту, чтобы выплатить долги, — в Неаполе это было обычным делом. Ребёнок был для них всего лишь товаром, как рыба на базаре.

Вечерний Неаполь уже начал остывать, когда Лука, уставший, считал шаги до повозки так же аккуратно, как днём пересчитывал серебро. В кармане камзола тяжело позвякивали сто монет. Это был его сегодняшний рекорд: виноград шёл на ура, даже несмотря на конкуренцию с углём. Но уголь быстро закончился, и люди снова побежали покупать виноград.

Солнце было милостивым, а покупатели — щедрыми. Лука даже позволил себе купить кусок свежего хлеба и немного сыра, чтобы порадовать детей.

Узкая улочка тянулась к дому. Между кривыми стенами висело выцветшее бельё, из открытых окон лился свет свечей и доносился запах тушёных овощей. Лука свернул в знакомый переулок, где стояла его повозка, но из тени отделилась широкая фигура.

Это был Лаэрте.

Лаэрте: Ну вот ты и нашёлся, Лука.

Автор: Лука остановился. Сердце на миг сбилось с ритма. Перед ним, опираясь плечом о стену, стоял Лаэрте. Лицо его скрывала полутьма, но ухмылка угадывалась даже в сумраке.

Лука Короно: Лаэрте… Поздно уже. Мне домой надо.

Лаэрте: Домой он…

Автор: Он оттолкнулся от стены и сделал шаг навстречу. Камни под его ногами скрипнули.

Лаэрте: Домой, а про долг забыл?

Автор: Лука инстинктивно прижал локоть к боку — к тому самому карману, где звенели монеты. Движение было слишком резким. Лаэрте посмотрел туда же и усмехнулся ещё шире.

Лаэрте: Смотри-ка, у кого-то сегодня удачный день. Монеты звенят, как хорошее пиво в бочке.

Лука Короно: Давай я позже отдам тебе долг. Я хотел купить Изабеле какое-нибудь платьице и лёгкий платок.

Автор: Ответом был удар — короткий, без размаха. Кулак врезался ему в скулу, вспыхнула белая вспышка, и переулок качнулся. Лука отступил, ударился спиной о каменную стену, и воздух вышибло из лёгких.

Лаэрте: Ты мне должен.

Автор: Во второй раз удар пришёлся в живот. Лука согнулся пополам, а пальцы автоматически потянулись к камню, пытаясь удержаться.

Лаэрте: Карточный долг, Лука, — святой.

Автор: Он схватил Луку за ворот и рванул на себя, ещё раз впечатав его спиной в стену. Голова глухо стукнулась о камень, и мир на миг потемнел по краям. Монеты в кармане жалобно звякнули, будто став громче всего в переулке.

Лука Короно: Дай… дай мне время.

Автор: Прохрипел он, чувствуя, как во рту собирается кровь.

Третий удар пришёлся сбоку, по рёбрам. Лука скользнул по стене вниз и упал на колени. Из кармана высыпалось несколько монет. Они перекатились по камням, звякнули и остановились у сапог Лаэрте.

Тот замер, посмотрел вниз, и в переулке на мгновение стало страшно тихо.

Лаэрте: Вот оно — пение денег.

Автор: Сказал он, наклоняясь. Медленно и демонстративно поднял одну монету, затем вторую, третью. Лука попытался дотянуться до ближайшей, но получил тяжёлый пинок в плечо и рухнул на бок.

Лаэрте прошёлся по камням, как по рассыпанным косточкам, собирая серебро. Каждый его жест был неторопливым и уверенным, как у человека, который знает: ему здесь никто не помешает.

Когда последняя монета исчезла в его кармане, он нагнулся к Луке. Лицо Лаэрте оказалось так близко, что Лука чувствовал запах чеснока.

Лаэрте: Слушай внимательно, Лука Короно. Эти пятьдесят монет я беру за твою глупость. К концу недели ты принесёшь мне ещё двести.

Автор: Он сделал паузу, словно давая словам осесть.

Лаэрте: Не принесёшь — я сломаю тебя не хуже, чем сегодня. А потом уж точно никто не будет считать, сколько у твоих детишек хлебных корок на столе. Понял?

Автор: Лука с трудом кивнул. Голова гудела, мир двоился, а камни под щекой были холодными и шершавыми.

Лаэрте выпрямился, поправил камзол, словно только что вышел не из драки, а из трактира, и, не оглядываясь, зашагал прочь по переулку.

Некоторое время Лука просто лежал, считая собственные вдохи и стараясь не думать о цифре «двести». Потом, опираясь на стену, медленно поднялся. Колени дрожали, пальцы не слушались, но перед глазами уже вставал единственный образ — их дверь и три силуэта в полутьме.

Лука, шатаясь, сделал первый шаг в сторону повозки. Хлеб и сыр лежали на полу, перемешанные с пылью и мелкими камнями. Аккуратно забравшись на повозку, он дал лошади ходу.

Лука тяжело держался за больные рёбра и, сплёвывая кровавую слюну, двигался в сторону дома. Проезжая между жилыми домами, возле которых текла речушка, он увидел пивной дом. Остановив лошадь, Лука вошёл в знакомое помещение.

Присев за стол, он заказал кружку, потом ещё одну и ещё. Голова начала гудеть сильнее, а долг в двести монет не давал ему покоя. Вспоминая, как сегодня на глазах у толпы забрали маленького мальчика у бедной матери, Лука подумал, что этот мир крутится вокруг серебряных и золотых монет.

Ему было тошно, думать было тяжело. Заглянув в карман, он увидел, что у него осталось ещё пятьдесят монет.

Спустя некоторое время Лука остановил повозку возле дома. Сумма в двести монет, которую нужно было отдать до конца недели, не давала ему покоя. Он думал, где достать эти деньги для Лаэрте, а ведь должен был не только ему. Карточных долгов у него было много.

Похоже, он был плохим игроком в карты.

Неожиданно у самого порога он вспомнил, что Лоренцо купил сестре новые чулки. С этой мыслью Лука вошёл домой и поковылял в сторону комнаты Леонардо и Изабелы.

Он вошёл в комнату. Леонардо с осуждающим взглядом посмотрел на Луку. Изабела тихо сидела на кровати в потрёпанной рубахе Леонардо.

Лука Короно: Изабела, где твои чулки, которые тебе брат купил?

Автор: Она звонко рассмеялась и сказала:

Изабела Короно: А тебе зачем? Хочешь примерить?

Автор: Эта пустая шутка только сильнее разозлила и без того не вполне адекватного Луку. Он тяжёлыми шагами подошёл к Изабеле и схватил её за волосы.

Девушка начала истошно кричать. Леонардо подскочил с пола и схватил отца за левую руку со словами:

Леонардо Короно: Отпусти её, придурок!

Автор: Лука оттолкнул девушку на кровать. С её плеча слетела рубашка, оставив её с обнажённой грудью. Лука повернулся к сыну и, сжав кулак, ударил Леонардо прямо в щёку.

Его щека покраснела, и он без сил упал на холодный пол. Лука остановился посреди комнаты и громко закричал в сторону дочери:

Лука Короно: Где чулки?

Автор: Девушка со слезами на глазах, прикрывая грудь рубашкой, сказала:

Изабела Короно: В нижнем шкафу.

Автор: Лука спохватился и увидел тонкие колготки чёрно-телесного цвета. Взяв их под руку, он выбежал из комнаты и, сев на лошадь, поехал в сторону пивного дома, где в это время сидел Лаэрте.

Леонардо поднялся с пола и, приобняв сестру, очень сильно пожалел, что Лоренцо нет дома.

Лука приехал в пивной дом. Занесло его сюда почти по инерции.

Внутри пивного дома стоял тёплый полумрак. Свечи чадили, над деревянными столами шумели голоса. Лука протиснулся между плечами, пару раз зацепив кого-то локтем, и увидел в дальнем углу знакомую фигуру.

Лаэрте сидел, откинувшись на спинку скамьи. Кружка в его руке была наполовину пуста, а глаза, напротив, оставались настороженно ясными.

Лука подошёл ближе и остановился, уперевшись руками в край стола, чтобы не качаться слишком заметно. Он нащупал карман, вытащил зажатый в кулаке мешочек и с глухим звоном высыпал на стол пятьдесят монет.

Серебро разбежалось по доскам. Несколько монет покатились к Лаэрте и остановились у его широких пальцев.

Лука Короно: Вот пятьдесят монет.

Автор: Он поколебался, потом медленно вынул из-за пазухи ещё одну вещь — аккуратно сложенные, уже немного помятые светлые чулки. Те самые, что несколько часов назад он забрал у Изабелы.

На секунду в трактире словно стало тише. Лаэрте смотрел на чулки. В его взгляде смешались азарт, насмешка и что-то неприятно жадное. Он неторопливо отложил кружку в сторону, взял чулки двумя пальцами, как тряпку, но тут же провёл по ткани ладонью, оценивая её.

Лаэрте: Для жены подойдут. Ей понравятся. Вещь полезная. Не то что твои карточные таланты.

Он пересчитал монеты не торопясь, с лёгким звоном, будто наслаждаясь каждым «дзинь». Потом сгреб серебро в мешочек, убрал чулки за пазуху и наклонился ближе к Луке, так что тот почувствовал на лице его тяжёлый тёплый выдох.

Лаэрте: Осталось сто.

Лука Короно: Сто?

Лаэрте: Сто.

Автор: Подтвердил Лаэрте.

Он откинулся на спинку, вновь взял кружку и отпустил Луку из взгляда так же легко, как только что забрал у него дочерние чулки. Для Лаэрте сделка была закончена.

Лука выпрямился из-за стола, почувствовав, как дрожат ноги. Плечи будто стали тяжелее, но в голове прозвучала одна чёткая мысль: «Не двести пятьдесят. Сто».

Он развернулся, чуть не задев соседний стол, пробормотал невнятное извинение и, держась за стены, пошёл к выходу.

Снаружи его встретил влажный ночной воздух. Пивной дух сменился солёным запахом моря и каменной прохладой. Вздохнув полной грудью, он почувствовал, как заболели рёбра.

Направившись к своей повозке, Лука услышал, как сзади послышались знакомые голоса. Он повернулся и увидел троих мужчин, которые насильно заталкивали ребёнка в повозку. Сейчас они со спокойной душой потягивали кружки пива.

Лука понял, что это те самые мужчины, которые покупали людей для работы в шахте. Посмотрев на мужчину, который сильно его избил, он сказал:

Лука Короно: Мужики.

Автор: Все трое одновременно посмотрели на Луку. Тот порыскал руками по карманам в надежде найти пару монет на кружку пива. Он тихо начал подходить к мужчинам.

Лука Короно: Вы же те, кто сегодня с рынка забрал малого парня в шахту?

Автор: Мужики рассмеялись, и один из них ответил:

Мужик: А ты, похоже, тот, кого часто избивают. Вон, всё лицо разбито.

Автор: У Луки очень сильно чесался кулак — ему хотелось ударить этого мужика за то, что тот избил его на глазах у всей толпы. Но сейчас Лука сильнее хотел выпить, чем драться.

Лука Короно: Угостите пивом? Я хочу поговорить.

Автор: Мужики переглянулись, и один из них сказал:

Мужик: Маттео, принеси четыре кружки пива. От двух монет не обеднеем.

Автор: Маттео быстро сбегал за пивом и принёс кружки к столу, пока Лука осторожно присаживался рядом с мужчинами.

Лука в один момент выпил четверть кружки и спросил:

Лука Короно: За сколько вы покупаете людей для шахты?

Мужик: За пятьсот монет.

Автор: Лука даже поперхнулся от такой цифры.

Лука Короно: Это за одного?

Мужик: Да.

Автор: Лука задумался и тихо произнёс:

Лука Короно: Это же тысяча монет.

Мужик: Что тысяча монет? У тебя что, есть два пацана?

Автор: Лука потерянно посмотрел на мужчин и подумал, что за тысячу монет сможет погасить все долги, и у него ещё останется на пиво.

Прикинув все детали, он разговорился с этими мужчинами. Они выпили ещё две-три кружки пива, а потом ушли ночевать в ближайший трактир.

Глава 3

Автор: Тёплое неаполитанское утро тихо стекало по каменным фасадам, когда к дому Луки одна за другой подъехали первая, вторая и третья повозки. Узкая улочка на миг наполнилась хрипом колёс и ржанием лошадей. Бельё, натянутое между домами, дрогнуло от ветра, поднятого тяжёлыми взмахами лошадиных хвостов.

Из повозок спрыгнули мужчины в грубых камзолах, обменялись короткими фразами, и воздух вокруг маленького дома Короно сразу стал тесным и тяжёлым.

Дверь распахнули без стука. Лоренцо успел только подняться из-за стола, а Леонардо — лишь оторвать взгляд от пола. Чужие руки одновременно легли им на плечи, крепкие, как железные клещи. Старшего резко потянули к выходу, младший зацепился пальцами за косяк, но его пальцы легко разжали.

Лоренцо Короно: Папа!

Леонардо Короно: Папа, не надо!

Автор: Их вытаскивали из дома, как подросших мальчишек из тесной комнаты, но в их глазах в этот момент было не мальчишеское упрямство, а тот самый взрослый страх, которого раньше они стеснялись показывать отцу.

Лука стоял у стола. В тусклом свете коптящей свечи его лицо казалось вырезанным из дерева: ни дрожи, ни рывка вперёд. Только глаза — тяжёлые и тёмные — провожали сыновей, которых тащили к повозке, словно мешки с углём.

У порога Лоренцо ещё раз обернулся. Руки уже были заломлены назад, рубаха сбилась на плечах, но в этот последний взгляд он вложил всё: детскую просьбу, взрослое обвинение и тот немой вопрос, который так и не успел задать отцу в ту ночь, когда умерла мать.

Лоренцо Короно: Папа…

Автор: Мужчины подняли братьев, как лёгкий груз, и швырнули на скамьи повозки.

Из третьей повозки вышел господин Феруччо. Он был сухим и аккуратным, в тёмном камзоле, который явно не любил базарную пыль. Он поздоровался с Лукой и вошёл в дом.

Его ухоженные холодные пальцы легли Изабелле на локоть. Девушка вздрогнула и попыталась отступить, но рука Феруччо уже сжала её крепче.

Изабела выдернула руку, но не смогла освободиться. Пальцы Феруччо были тонкими, но цепкими, как крючья. Её белая, почти девичья рука странно смотрелась в его хватке — словно чужая вещь, которую уже присвоили.

Он потянул её к другой повозке. С её плеча слетела рубаха, и солнечный свет упал на её маленькие упругие груди.

Изабела Короно: Папа! Папа, пожалуйста!

Автор: Она упиралась. Её нога соскользнула с камня, и Изабела едва не упала на ступеньку повозки. Слёзы заливали лицо, заполняли ресницы, мир перед глазами расплывался.

Она ещё попыталась ухватиться за край двери, но мужчина, сидевший внутри, грубо потянул её за плечи, втягивая в тёмную утробу повозки. Девичьи ноги напоследок скользнули по пыльному камню, оставив на нём след размазанной грязи и содранной кожи.

Две повозки почти одновременно тронулись: одна — с Лоренцо и Леонардо, другая — с Изабеллой и городским актёром Феруччо. Они разошлись, как две расходящиеся дороги: одна потянулась к горам и шахтам, другая — к городу, где решались чужие дела и чьи-то удовольствия.

Мальчики, вцепившись взглядом в уменьшающийся дом, ещё некоторое время видели отцовскую дверь. Изабелла уже не видела ничего, кроме качающихся в такт колёсам узких стен Неаполя и собственных рук, дрожащих у неё на коленях.

А у порога, в полутьме, Лука сидел за столом. Перед ним аккуратными кучками лежали серебряные монеты. Он пересчитывал их неторопливо, шепча числа под нос, будто боялся ошибиться.

Лука Короно: Пятьсот, семьсот, тысяча, тысяча двести, полторы тысячи…

Автор: Снаружи грохотали колёса, ржали лошади, чьи-то голоса ещё взывали к нему:

Лоренцо и Леонардо: Папа!

Дом наполнялся пустотой так же быстро, как тяжёлый мешочек — серебром и гулким звоном. Лука задержал пальцы на последней монете, подбросил её на ладони, слушая короткий чистый звук.

В этот момент в доме Короно всё действительно стало очень простым: за стенами мир расходился на два направления, а за столом мужчина, не поднимая глаз к двери, перепроверял итог.

Лука Короно: Тысяча пятьсот серебряных монет.

Автор: Цена, которой он попытался заглушить собственный страх, свою вину и свои умирающие обещания. Только Леонардо, уезжавший во второй повозке, задумался:

Мои мысли оказались правдивы,
Они крепче любой текилы.
Он никогда не знал, что такое любовь,
Но разве это он поймёт,
Лишь только когда умрёт?
Сегодня не мы потеряли отца —
Это он потерял нас.
Мы ещё найдём в своей жизни мудреца,
И сделаю я это в следующий час.

Спустя два месяца*

Автор: В глубокой пещере, среди горных пород и природных богатств, Леонардо и Лоренцо толкали две телеги с углём. Пыль попадала в лёгкие при каждом вдохе. Они делали небольшую передышку, придерживая вагонетки крепкими спинами. Время от времени на них покрикивал дежурный.

Из последних сил, под светом факелов, Лоренцо и Леонардо вытолкнули телеги на солнечный свет. Они прикрыли руками глаза и вдохнули полной грудью, которая ещё ощущала тяжесть воздуха в шахте.

Пыль и грязь словно испарились под солнечными лучами, оставляя на коже лёгкий ожог. Они докатили телеги до конца рельсов и присели на землю, возле которой росли редкие пучки травы.

Леонардо Короно: Как же меня уже всё это достало.

Лоренцо Короно: А что поделать?

Автор: Он сорвал одну травинку, зажал её между зубами и продолжил:

Лоренцо Короно: Территорию ежедневно патрулируют вооружённые люди. Днём и ночью.

Леонардо Короно: Откуда ты знаешь?

Лоренцо Короно: А ты думаешь, почему я ночами не сплю? Не из-за неудобств в шатрах же.

Автор: Оба молча сидели и смотрели на небо, над которым день за днём вставало солнце.

Леонардо Короно: Что бы ты сделал, если бы вышел отсюда?

Лоренцо Короно: Нашёл бы сестру. Кому же отец её продал? Не в шахту же?

Леонардо Короно: Не знаю. Я бы точно сделал что-нибудь во благо семьи.

Автор: Оба ещё помолчали. Лоренцо жевал траву, а Леонардо катал камни пальцами. Лоренцо выплюнул травинку и, поднявшись, сказал:

Лоренцо Короно: Ладно, пошли, братец. Скоро обед, а там и зарплата. Не заметишь, как пройдёт месяц, а потом будет следующая зарплата. Вот так и пролетает жизнь, братец.

Автор: Леонардо странно отреагировал на слова брата. То ли он был огорчён этой мыслью о жизни, то ли тем, что эти слова произнёс именно его брат.

Пыль от угля забивалась в горло, оседала на ресницах и превращала лица рабочих в одинаковые чёрные маски. К полудню очередь к палатке, где обычно выдавали похлёбку и медные монеты, тянулась, как змея: молчаливая, уставшая, но всё ещё надеющаяся.

Лоренцо и Леонардо стояли почти в самом конце. Рубахи прилипли к спинам, руки дрожали от усталости, но в глазах жила одна простая мысль: «Сейчас дадут поесть. Сейчас дадут наш заработок».

Когда они наконец подошли ко входу в пологую, выцветшую палатку, мужчина за столом даже не поднял на них глаз. Толстая книга, чернильница и груда мешочков — всё это казалось важнее, чем двое измождённых парней перед ним.

Работник шахты: Лоренцо и Леонардо Короно. Ничего. Норма сокращена, пайки урезаны. Денег сегодня не будет.

Автор: Слово «ничего» упало между братьями, как камень в пустой колодец.

Леонардо Короно: Как это — «ничего»? Мы весь день внизу! Ты вообще знаешь, как там дышится?

Работник шахты: Знаю. Так возьми сопли в кулак, подотри и иди дальше.

Автор: Леонардо шагнул вперёд и сжал кулаки. Охранник шагнул к нему, уже поднимая руку — то ли чтобы оттолкнуть, то ли чтобы ударить.

Охранник шахты: Тихо, мальчик. Работай — и будут тебе уголь и хлеб.

Автор: Рука охранника с револьвером оказалась слишком близко. Слишком тяжёлая. Слишком уверенная.

И тут внутри Лоренцо что-то щёлкнуло. Он слишком часто видел такие жесты у отца, у Лаэрте, у тех, кто всегда находился наверху. И впервые в жизни он не захотел опустить глаза.

Двигаясь быстро, почти не думая, он перехватил руку охранника за запястье, дёрнул на себя и провернул её. Мужчина не ожидал сопротивления: револьвер легко вывернулся из его пальцев и оказался в руке Лоренцо.

Лоренцо поднял руку вверх и нажал на курок. Прозвучал громкий выстрел, и из пистолета словно вылетел огненный заряд.

Лоренцо Короно: Назад, твари!

Автор: Очередь застыла. Кто-то ахнул, кто-то отступил. Охранник, пошатнувшись, уставился на парня с круглым, нелепо растерянным лицом человека, у которого вдруг отняли власть.

Лоренцо почувствовал в ладони холодный, незнакомый вес оружия. Сердце забилось так громко, что заглушило всё остальное. Он не направлял револьвер никому в лицо — просто удерживал его стволом вверх, — но этого оказалось достаточно, чтобы воздух вокруг натянулся, как струна.

Он схватил Леонардо за запястье. Тот ещё секунду стоял, не веря, что всё это происходит, а потом позволил потянуть себя прочь.

У коновязи возле палатки скучали несколько лошадей. Две из них уже были навьючены. Лоренцо одним движением вскочил в седло первой и протянул руку брату. Леонардо, наконец придя в себя, запрыгнул следом и обхватил его за талию.

Позади кто-то закричал:

Работник шахты: Держать их! Оружие!

Автор: Лошадь поскакала. Леонардо выхватил пистолет из рук брата, нацелился на рабочих, выстрелил и попал в голову центральному охраннику.

Лоренцо Короно: Лео, оставь! Там казённые патроны!

Автор: Охранникам оставалось только уныло наблюдать, как лошадь лёгкой скачкой уносит братьев от них. Только Леонардо кричал им вслед:

Леонардо Короно: Vaffanculo, puttane! (Пошли на хуй, шлюхи, ит.)

Автор: Шахта, палатка, крик приказчика и ошарашенный охранник с пустой кобурой — всё это осталось позади и смешалось в общем гуле.

Впереди была только дорога вниз, к Неаполю, к дому, откуда их увезли, и к отцу, который однажды выбрал монеты вместо них.

Дом встретил их тишиной, которой здесь раньше никогда не было. Когда-то этот двор звенел от голосов, запаха супа и стука отцовских ботинок по камню. Теперь же всё казалось выцветшим, как старое полотно, забытое на солнце.

Лошадь фыркнула и переступила с ноги на ногу, чувствуя напряжение всадников. Леонардо спрыгнул первым, подошёл к крыльцу и замер, будто боялся, что одно неверное движение разрушит хрупкое заклинание памяти о доме.

Лоренцо, держа револьвер под полой куртки, посмотрел на знакомые ставни, облупившуюся штукатурку и каменный порог — и понял, что возвращается уже не сыном.

Отец открыл дверь не сразу. Скрип петель прозвучал как чужой голос. Лука Короно вышел на крыльцо, щурясь от света, и первое, что бросилось в глаза, — не радость и не удивление, а раздражение, словно его отвлекли от чего-то более важного.

Лука Короно: Вы вернулись.

Автор: Лоренцо молча поднял руку. Револьвер вышел из тени, как приговор. Ствол упёрся в грудь отца — в ту самую точку, куда ребёнок когда-то прижимал щёку, ища защиты. Теперь там смотрела холодная чёрная дыра.

Лоренцо Короно: Где Изабелла?

Автор: Вопрос прозвучал без крика, но так жёстко, что воздух будто стал тяжелее. Лука дёрнул щекой и попытался усмехнуться, спрятаться за привычной грубостью.

Лука Короно: Где ей и положено быть. В доме у синьора Феруччо. Он даёт ей деньги, одевает и кормит. Она удовлетворяет его потребности — и всё у неё, как положено. Не беспокойся, мой мальчик. У неё будет прекрасная жизнь.

Автор: Слово «удовлетворяет» повисло между ними. Леонардо резко вдохнул, будто его ударили. Лоренцо не моргнул.

Внутри него всё рухнуло ещё тогда, когда их увозили в шахту, а отец молчал. Сейчас это молчание получило имя и цену.

Лоренцо Короно: Ты понятия не имеешь, что такое прекрасная жизнь. Потерял нашу мать. Продал своих детей. Отдал чулки Изабелы, чтобы расплатиться с долгами. Ты продал её так же, как нас. За монеты. За поклоны. За свои долги. Только никто не виноват в твоём ничтожестве.

Автор: Лука попытался шагнуть назад, но стена дома не дала ему уйти. Лоренцо обхватил пистолет обеими руками и приставил дуло ко лбу отца.

Лука Короно: Я сделал то, что должен был! В этом мире каждый продаёт то, что может. Вами я расплатился за долги, а она продаёт свою красоту. Так устроено, Лоренцо. Я давно в этом убедился.

Лоренцо Короно: Нет. Так не устроено. Это ты так устроил.

Автор: Он сильнее надавил на рукоять револьвера, и отец чуть отодвинулся назад.

Лоренцо Короно: Ты — полное ничтожество. Настоящее убожество.

Автор: Последнее слово прозвучало как приговор, который наконец догнал того, кто всю жизнь раздавал чужие судьбы, словно мелкие монеты. Лоренцо не дал ему времени ни на оправдания, ни на красивую лживую речь. Палец на спусковом крючке едва заметно дёрнулся.

Выстрел разрезал двор и вспугнул птиц на крыше. Лука дёрнулся и прижался спиной к стене, по которой медленно поползла вниз тёмная полоса.

Глаза его расширились не от боли, а от какого-то странного удовлетворения, словно он знал, что так будет, или всем сердцем жаждал этого момента.

Лоренцо Короно: Здесь всё закончено. Осталось забрать Изабеллу.

Автор: Он развернулся, даже не удостоив мёртвого отца последним взглядом. Для него Лука Короно умер не сейчас — он умер тогда, когда продал их в шахту и открыл для Феруччо дверь к своей дочери. Сейчас Лоренцо всего лишь догнал эту смерть пулей.

Леонардо сел позади и крепко обнял брата за талию. Лошадь рванула с места, словно тоже хотела забыть этот двор с мёртвым человеком у стены.

Дом, в котором когда-то пахло хлебом и детством, остался позади — немой и осуждающий.

Впереди, за поворотом дороги, начиналась территория Феруччо. Там, за чужими стенами, была их сестра — их кровь и последняя непроданная часть семьи.

Револьвер на поясе Лоренцо тяжело стучался о бедро, напоминая о четырёх оставшихся выстрелах и о том, что пути назад у них больше нет.

Лошадь осторожно подошла к забору огромного поместья, откуда веяло запахом зажжённых свечей. Все комнаты дома были хорошо освещены тёплым светом.

Леонардо чуть привстал в седле, чтобы лучше рассмотреть здание. Это был аккуратный двухэтажный квадратный дом, к которому было пристроено ещё одно небольшое помещение.

Лоренцо открыл барабан револьвера и увидел четыре патрона.

Лоренцо Короно: Четыре патрона.

Автор: Оба брата осторожно слезли с лошади и устремили взгляды в щели между досками забора.

Лоренцо Короно: Феруччо — актёр нашего театра. Он не любит людей, но очень любит себя и свои потребности в женской красоте.

Леонардо Короно: Богатый ублюдок?

Лоренцо Короно: Ещё бы. Думаю, двух патронов хватит, чтобы вытащить нашу сестру.

Автор: Оба кивнули и запрыгнули на забор.

Тем временем в доме Феруччо Изабелла сидела в кресле, одетая в тёплую одежду, перед камином. На её лице не было ни эмоций, ни слёз. Она казалась стеклянной, словно пьяной от собственного горя.

Два месяца с ней обращались как хотели. Даже сейчас её господин лежал в кровати с двумя красавицами, которые поглаживали его толстый живот и проводили пальцами по его носу. Он сидел с завязанными глазами и наслаждался, когда руки девушек опускались всё ниже и ниже.

Иногда он вскрикивал, обращаясь к Изабелле, чтобы она издала громкий стон. Для него это было пением, а для неё — раной.

Неожиданно в лестничном пролёте раздался какой-то стук. Дверь резко открылась, и девушки начали кричать. Феруччо встал с кровати, но не успел снять повязку с глаз. Он видел лишь сплошную пустоту.

Его тело быстро упало на кровать, а кровь потекла по дереву.

Лоренцо Короно: Всё, все свободны. Дамочки, расходимся.

Автор: Полностью обнажённые девушки выбежали из комнаты и бросились прочь с дикими криками.

Леонардо и Лоренцо опустились на колени перед совершенно опустошённой Изабелой. Она сидела в тонкой рубашке, почти не реагируя на происходящее.

Лоренцо убрал пистолет за пазуху и бережно положил голову сестры себе на плечо. Леонардо плавно поглаживал её волосы.

Лоренцо Короно: Поехали домой, сестрёнка.

Автор: Надев на сестру лёгкие панталоны и укутав её в одеяло, братья вывели её из дома.

Лоренцо Короно: Лео, езжай на лошади, мы поедем на другой.

Автор: Леонардо кивнул и запрыгнул на одиноко стоявшую лошадь. Лоренцо посадил сестру в повозку, запряг лошадь и взобрался на козлы. Затем он тронул поводья, и повозка поехала вслед за Леонардо.

И вот семья Короно, вновь воссоединившись, направилась домой под лунным светом. Их сегодняшний театр, в котором печально погиб Феруччо, был окончен.

Глава 4

Автор: На следующее утро Леонардо проснулся от тёплого солнечного света. Он вышел на улицу и увидел, как в дальней части двора Лоренцо закапывает отца и выкапывает виноград.

Леонардо Короно: Ты что делаешь?

Лоренцо Короно: А что, не видно? Нам нужно покинуть этот дом. Люди из шахты обязательно будут обыскивать его.

Леонардо Короно: Боишься их?

Автор: Лоренцо воткнул лопату в землю и, резко развернувшись, сказал:

Лоренцо Короно: Я отвечаю за безопасность.

Леонардо Короно: А я думаю, что ты боишься их. Наш отец пил как не в себя. На алкоголе можно заработать. Я отвечаю за развитие семьи Короно.

Лоренцо Короно: Ты так доведёшь нас до гроба. В лучшем случае сдохнешь, как отец, только от пьянства. Это дорога не туда, брат.

Автор: Лео грубо посмотрел на брата. Лоренцо, сорвав одну ягоду винограда, сказал:

Лоренцо Короно: Я на работу. Проследи, чтобы сестра поела. Там ещё остались куски хлеба.

Автор: Лео с грубым выражением лица проводил брата за ворота двора. Вдруг в его голове всплыла мысль. Он осмотрелся и сказал:

Леонардо Короно: Покинуть дом, говоришь…

Автор: Порт Неаполя жил своей привычной шумной жизнью. Крики грузчиков, плеск воды о борта, запах соли, рыбы и пива смешивались в один тяжёлый густой воздух, от которого кружилась голова.

Между рядами ящиков, бочек и корзин сновали люди, как муравьи. У каждого было своё дело и своя спешка. Лоренцо, с огрубевшими от работы руками, перетаскивал тяжёлые ящики от пристани к складу, чувствуя, как ломит плечи, будто на них взвалили весь город.

Доски под ногами подрагивали, когда очередной корабль принимал или отдавал груз. Лоренцо шёл привычным маршрутом, не глядя по сторонам. Тело работало само, а мысли были далеко: в доме, где голодала семья, и в шахте, где он уже не собирался умирать.

Поэтому он сразу заметил тех двоих.

Они не вписывались в ритм порта. Пока все двигались по прямым линиям — от трюма к складу и обратно, — эти двое крутились вокруг ящиков, словно искали тень, в которой можно раствориться.

Один был повыше, плечистый, с прищуром человека, привыкшего проверять все выходы. Второй — пониже, тоньше, с быстрыми глазами, которые цеплялись за каждую мелочь.

Они не работали. Они высматривали.

Лоренцо поставил ящик на место, вытер тыльной стороной ладони пот со лба и сделал вид, что идёт дальше. Но вместо этого свернул за угол склада и замер в тени, прислушиваясь к шагам.

Он не ошибся: через минуту рядом прошмыгнула знакомая парочка. Они двигались не так, как бегут по делу, а так, как уходят от лишних глаз.

Лоренцо выждал ещё несколько ударов сердца, потом резко вышел из-за угла и перегородил им дорогу.

Лоренцо Короно: Стоять.

Автор: Старший из двоих автоматически дёрнулся к боку, будто там должно было быть оружие, но нашёл только пустоту. Младший мгновенно спрятал за спиной плетёную корзину, слишком тяжёлую для пустой.

Из корзины пахло рыбой и свежим хлебом. От этого у Лоренцо на секунду свело желудок.

Фабрицио Бернар: Чего тебе, друг? Мы просто идём.

Автор: Лоренцо перевёл взгляд на корзину, на следы мокрых ящиков на их одежде и на слишком чистые руки для «просто портовых».

Лоренцо Короно: Просто идёте с чужим товаром. По порту, где за это обычно зубы собирают с досок.

Автор: Младший криво усмехнулся, но в его глазах мелькнуло беспокойство.

Козимо Бернар: Зубы — это если попадёмся не тому. А ты… ты пока просто стоишь и дышишь тем же воздухом, что и мы.

Автор: Лоренцо мог поднять крик. Мог позвать надсмотрщика, стражу — кого угодно. Эти двое знали это так же хорошо, как и он.

Несколько мгновений тянулись, как канат: кто кого перетянет.

И тут голод — не метафорический, а самый настоящий, тот, от которого режет внутри, — ударил по нему сильнее, чем любая тяжесть ящиков. Он снова почувствовал запах из корзины: рыба, хлеб. То, что сегодня могло лежать на столе у сестры. То, что могло стать ужином для Леонардо.

Лоренцо медленно выдохнул.

Лоренцо Короно: Знаете, мне плевать, из чьих амбаров вы это тянете. В этом городе нас всех уже давно считают расходным материалом.

Автор: Он сделал шаг ближе, так чтобы старший видел в его глазах не пустое бахвальство, а твёрдое решение.

Лоренцо Короно: Корзину оставляете мне. А сегодня я вас возле этих ящиков не видел.

Автор: Старший приподнял бровь, оценивая Лоренцо, как оценивают не товар, а человека, который может пригодиться. Младший чуть сильнее прижал корзину к себе.

Козимо Бернар: Ты хочешь часть, чтобы заткнуться?

Лоренцо Короно: Я хочу рыбу и хлеб. Моей семье нужно есть. Остальное мне неинтересно.

Автор: Тишина между ними вдруг стала похожа на негласное соглашение. Старший и младший обменялись коротким взглядом. В этом взгляде было больше слов, чем в целой речи.

Фабрицио Бернар: Ладно.

Автор: Он легко подтолкнул корзину к Лоренцо. Та оказалась тяжелее, чем тот ожидал: внутри было не только пропитание, но и чей-то украденный достаток.

Фабрицио Бернар: Фабрицио Бернар. Это мой брат, Козимо.

Козимо Бернар: А ты, я так понимаю, не из тех, кто бежит за стражей при первой возможности.

Автор: Лоренцо чуть усмехнулся.

Лоренцо Короно: Лоренцо Короно. Я из тех, кому надоело платить за чужие игры своей шкурой.

Автор: Они ещё секунду смотрели друг на друга, словно запоминая лица. В логике неаполитанского порта это тоже было своего рода договором. Не дружба и не союз, но что-то, что однажды могло обернуться выстрелом в нужную сторону или вовремя подставленным плечом.

Фабрицио Бернар: Если вдруг понадобится — работаем с тем, что плохо лежит.

Автор: Козимо усмехнулся и поправил ворот.

Козимо Бернар: А ты, Лоренцо Короно, сегодня оказался умнее половины этих ослов. Вместо того чтобы орать, забрал то, что действительно нужно.

Автор: Лоренцо только кивнул, подхватив корзину. Рыба внутри чуть дрогнула, хлеб мягко прижался к пальцам. Это был не героический трофей, а простой, но настоящий шанс прожить ещё один день.

Он вернулся тем же путём — через шум и крики порта, мимо ящиков, которые продолжали грузить так, будто ничего не случилось. Вскоре гул моря сменился более привычным для него стуком копыт.

Возле стены, к которой была привязана его лошадь, стояла знакомая фигура. Соломенная шляпа была чуть сдвинута на затылок, прядь тёмных волос выбилась на лоб, руки находились в карманах. Поза была нагло-ленивой — как у человека, который притворяется, будто просто гуляет, хотя на самом деле ждёт.

Леонардо Короно: Долго же ты с ящиками воюешь.

Автор: Лоренцо на секунду задержал взгляд на этой нелепой соломенной шляпе, которую Лео каким-то чудом раздобыл, и угол его губ невольно дрогнул. В хаосе порта, среди чужих грузов и чужих грехов, это была единственная вещь, которая казалась по-настоящему их.

Он поднял корзину чуть выше, чтобы брат её увидел.

Лоренцо Короно: Воюю не зря. Сегодня дома будет рыба и хлеб.

Автор: Леонардо развернулся, и в его глазах мелькнула та самая детская радость, которая упрямо отказывалась умирать, несмотря ни на шахту, ни на долги, ни на отцовское предательство.

Леонардо Короно: Тогда торопись. Пока кто-нибудь ещё не решил, что у нас слишком много счастья на двоих. У меня для тебя тоже сюрприз.

Автор: Они переглянулись — коротко, но в этом взгляде было больше понимания, чем в любом разговоре. Лоренцо привязал корзину к седлу, вскочил на лошадь, а Леонардо занял своё привычное место позади.

Порт остался за их спинами: шумный, голодный, жадный. Впереди был дом, где их ждали те, ради кого стоило молчать, договариваться и таскать чужие ящики до онемения рук.

Подъехав к дому, Лоренцо собирался слезть с лошади, но его остановила крепкая рука брата.

Леонардо Короно: Дай мне повести лошадь.

Автор: Лоренцо тревожно задумался, но, покачав головой, пересел назад.

Лошадь пробежала около двухсот метров и остановилась возле дома, похожего на их прежний дом. Оба брата слезли с лошади: Леонардо — с улыбкой, а Лоренцо — с недоумением.

Лоренцо Короно: Это же дом Лаэрте. Зачем мы здесь?

Леонардо Короно: Это наш новый дом.

Автор: Он нетерпеливо осмотрелся по сторонам и, увидев, что рядом никого нет, подошёл к брату и прошептал:

Леонардо Короно: Я убил его и его жену. У неё как раз были чулки нашей сестры. В твоём пистолете остался один патрон — береги его.

Автор: У Лоренцо сердце сжалось. Он раскрыл рот и сказал:

Лоренцо Короно: Что ты сделал?

Леонардо Короно: Ещё я пересадил наш виноград, а его с женой прикопал возле нашего отца. Из винограда я буду делать вино. На алкоголе можно заработать. Наш отец разорял нас из-за алкоголя, а я обогащу семью Короно.

Автор: Леонардо эффектно развёл руками, но Лоренцо грубо оттолкнул их. Брат пошатнулся.

Лоренцо Короно: Ты придурок.

Леонардо Короно: Нет. Это ты придурок. Ты нашу семью сгубишь от голода. Сегодня мы ели добытые тобой рыбу и хлеб, а завтра что — будем воду из реки пить на обед?

Лоренцо Короно: Откуда ты знаешь про рыбу и хлеб?

Леонардо Короно: Я видел.

Автор: Лоренцо печально опустил корзину с рыбой и хлебом.

Леонардо Короно: Хочешь ты этого или нет, я буду продавать вино. И обещаю: я сделаю так, что вместо чулок наша сестра будет носить бальные платья.

Автор: Лоренцо понял, что переубеждать брата бессмысленно, и тревожно вошёл внутрь дома.

По углам стояли аккуратные шкафы и удобные кресла. Пройдя дальше, он увидел стол. Поставив на него корзину, Лоренцо прошёл в следующую комнату. Там пахло чистой постелью. Стояли две аккуратные односпальные кровати, а дальше, в конце коридора, была двуспальная.

Он присел на кровать и, вдруг опомнившись, спросил у брата:

Лоренцо Короно: А где сестра?

Леонардо Короно: Я думал, ты никогда не спросишь. Пойдём, покажу. Ты будешь удивлён.

Автор: Пивной дом был заполнен голосами, смехом и руганью.

На грубой, заляпанной доске стояла глиняная кружка, по краям которой давно засохла пена. Изабелла Короно держала её ладонью, будто это был не напиток, а просто предмет, которому нашлось место под рукой.

Пиво пахло сыростью, горечью и чем-то ещё — тем, чем пропах весь Неаполь к ночи.

Она сидела прямо, не сутулясь и не прячась. Платье, когда-то явно сшитое «для господ», уже потеряло свежесть, но всё ещё пыталось играть роль роскоши: тонкая ткань, тугой корсаж, кружево на манжетах.

На шее была простенькая нитка, которая рядом с дорогой тканью выглядела почти издевательски. Волосы были аккуратно убраны, но несколько прядей выбились и липли к вискам. На ногах были старые чулки.

Её лицо не выдавало ничего: ни усталости, ни злости, ни горя — лишь ровная спокойная маска, слишком неподвижная для девушки её возраста.

Глаза смотрели не в зал, не на дверь и не в кружку. Куда-то в сторону, в точку, которой не существовало.

Вокруг неё проплывали мужские взгляды: оценивающие, откровенно грязные и равнодушные. Ни один из них не касался её по-настоящему. Она была здесь телом, но всё остальное давно отодвинулось туда, где не достаёт ничья рука.

Изабелла медленно поднесла кружку к губам и сделала маленький глоток. Горький вкус разлился по языку, тяжёлым теплом спустился в живот.

Пиво не радовало, не отвлекало и не грело. Оно просто заполняло пустоту, как доски, которыми забивают выбитое окно.

Она поставила кружку обратно — аккуратно, без дрожи.

Заведение жило своей жизнью: кто-то спорил о цене улова, кто-то шлёпал картами по столу, кто-то хохотал над пошлой шуткой.

Моральные синяки на ней были невидимыми, но плотными, как плоть под корсетом. Каждое слово, каждый взгляд и каждое прикосновение, купленное чьими-то монетами, уже давно сделали своё дело.

Она подняла кружку ещё раз, не меняя выражения лица. Пиво ушло внутрь, не оставив следа, как и все разговоры, обещания «прекрасной жизни», сладкие слова о защите и заботе.

Она больше не верила ни одному из них. Но и ненависти не осталось: она выгорела, как свеча, которую забыли задуть.

Изабелла сделала ещё один глоток. В глубине зала кто-то громко рассмеялся, кто-то ударил кулаком по столу, с улицы ворвался запах моря и дыма.

Она просто сидела и пила своё пиво — без слёз, без гнева, без грусти. Как человек, который давно вышел из собственной жизни и теперь смотрит на неё со стороны, через мутное стекло, не пытаясь ни вернуться, ни развернуться и уйти.

Сижу разбитая одна,

Попиваю пиво до утра.
Мне обещали всё,
Но сейчас у меня разбитое лицо.
Нет меня — и нету этого всего,
Мне не хватает одного —
Плода безответной любви,
Чтобы в доме горели семейные огни.
Пиво и разбитая я
Сижу тут до утра.
Это моё всё —
Всё, где нету ничего.

Автор: Дверь бара неожиданно распахнулась, и внутрь вошли Леонардо и Лоренцо. Старший брат с ужасом посмотрел, как сестра беспрерывно пьёт крепкое пиво. Её кожа была серой, словно плесень.

Лоренцо испуганно подбежал к сестре и, взяв её за руку, сказал:

Лоренцо Короно: Сестра, не губи себя. Пойдём домой.

Автор: Изабелла гневно вырвала руку и тихо сказала:

Изабелла Короно: Fottiti! (Пошли на хуй, ит.)

Автор: Оба брата потерянно посмотрели на сестру. Она поднялась со стула и громко прокричала:

Изабелла Короно: Fottiti, я сказала!

Автор: Все мужчины в пивном доме тут же замолчали, а братья резко отступили на пару шагов назад.

Лоренцо тяжело вздохнул и развернулся к выходу. Леонардо наклонился к нему и сказал:

Леонардо Короно: Ещё одна причина, почему на алкоголе можно заработать.

Лоренцо Короно: Не поддакивай.

Автор: Оба брата покинули пивной дом, а все его посетители продолжили смотреть на Изабеллу.

Изабелла Короно: Чего уставились? Бедных девушек не видели?

Автор: Все тут же тревожно сделали вид, что начали разговаривать о своих делах. Изабелла запрокинула голову и допила ещё один стакан пива.

Она ударила ладонью по барной стойке, подавая хозяину пивного дома знак.

Изабелла Короно: Ещё кружку.

Автор: Хозяин пивного дома оценивающе посмотрел на неё и сказал:

Хозяин пивного дома: Тебе хоть есть чем платить?

Автор: Изабелла потянулась к ногам, сняла обувь и начала снимать с себя чулки. Тонкие светлые чулки свернулись в её худенькой руке.

Изабелла Короно: Они стоят тридцать серебряных монет. Возьми. Твоей жене подойдут.

Хозяин пивного дома: Ладно. Хоть чем-то порадую её.

Автор: Продавец тихо скрылся с чулками за бочками с пивом, а Изабелла только кричала ему вслед:

Изабелла Короно: Три кружки пива! По десять серебряных монет за кружку!

Автор: Неожиданно она почувствовала, как рядом кто-то подсел. Затем прозвучал звонкий, но немного грубый мужской голос:

Мужчина: Оставьте девушке чулки и принесите нам пива. Шесть кружек я оплачу.

Автор: Изабелла со слезами на глазах посмотрела на мужчину и разглядела в нём силу джентльмена, ровную улыбку, выбритую бороду и аккуратную причёску. Его кожа была мягкой, словно бархат.

Его губы дрогнули, и он сказал:
Мужчина: Как вас зовут, леди?
Автор: Эти слова были для неё как вода для жаждущего котёнка. Она тихо прошептала:
Изабелла Короно: Изабелла.
Мужчина: Изабелла! Какое прекрасное имя. Меня зовут Чезаре Бьянки.
Он был богом, она — царицей,
Как неконтролируемая львица.
Шесть кружек пива
Улетели на ура.
Они гуляли почти до утра,
Вместе встретили рассвет.
Для их пути конца и нет.
Всё закрутилось, завертелось,
И вот через три месяца они уже поженились.
Он — бог, она — царица,
И вот она уже в постели,
Как неконтролируемая львица,
Лежит и про себя гадает,
Как же с ним она пирует.
Через три дня они уехали в Париж.
И какой же для неё это был престиж.
Чезаре — сын графа,
А его отец — Теодор,
Для справедливости борец.
Их принял он в свой родимый двор.
На всё французское посольство он устроил пир.
Для неё это был не трактир,
А новый, настоящий мир.
Братья были рады,
Ведь нету лучшей для сестры отрады,
Чем своя семья, где тихо и уют,
Где тебя родные ждут.
Через месяц они приехали в Неаполь.
Он приехал как король,
А она — царица,
Невероятная девица.
Их жизнь — как спокойная водица.

Глава 5

Спустя 5 лет*

Автор: 1801 год встретил Леонардо хорошим урожаем. Он успешно делал из винограда отменное вино и продавал его по десять монет за литр. Он хорошо зарабатывал и хорошо питался.

Старший брат немного завидовал Леонардо, но виду не подавал. Он продолжал работать в порту, а после работы заходил в бар и пропускал стаканчик пенного вместе с Фабрицио и Козимо. Он даже не заметил, как оказался втянутым в алкогольный бизнес, хотя прежде был против него.

Леонардо понимал, что его брат, мягко говоря, слабак.

Одним солнечным днём Леонардо продавал очередной литр вина пожилой синьорите. Порт уже почти стих, но возле лавок ещё держались запахи рыбы и вина. Между домами тянулись лужи, в которых дрожало отражение узкого неба, а ветер гонял по мостовой клочья бумаги и соломы.

Леонардо шёл по улице быстрым шагом, придерживая шляпу от резких порывов ветра. Мысли вертелись вокруг виноградной лозы, бочек и цен на вино, но всё это разлетелось в стороны, когда из бокового переулка донёсся сдавленный писк — больше похожий на всхлип, заглушённый грубой ладонью.

Он остановился, чуть отступил в тень и заглянул за угол. Там, в полумраке между двумя домами, двое городских служак в мятой форменной одежде тащили молодую девушку.

Оба уже порядком навеселе: шаг сбитый, лица красные, глаза маслянистые. Один держал её за запястье, второй — за талию. Девушка почти не сопротивлялась не потому, что смирилась, а потому, что от ужаса и усталости её руки висели, как у тряпичной куклы.

Её платье было простым, выцветшим, но чистым. На ногах — стоптанные туфли. Волосы выбились из-под платка и липли к щеке.

Первый городничий хохотнул, притягивая её ближе:

Мужчина 1: Ну что, bella, пойдём развеемся…

Автор: Второй, пошатываясь, уже шарил рукой по её бедру и ругался вполголоса. Девушка выдохнула сквозь стиснутые зубы:

Девушка: Пустите…

Автор: Голос был тихим и хриплым, но в нём ещё теплилось упрямство.

Леонардо не любил героизма. Он любил выгодные сделки, крепкое вино и то ощущение, когда монеты ровно ложатся в ладонь. Но то, как эти двое тащили девушку, было слишком похоже на то, как когда-то тащили его самого и Лоренцо к повозке.

Тот же хват за запястье. Тот же взгляд поверх головы, будто вместо человека в руках был мешок.

Он шагнул из тени.

Леонардо Короно: Эй.

Автор: Слово прозвучало негромко, но в узком переулке отозвалось, как удар. Оба служаки едва заметно качнулись — не от звука, а от необходимости отвлечься от своей добычи.

Ближе к выходу из переулка, прямо на сложенных ящиках из-под товара, лежала толстая деревянная доска. Одна её часть была мокрой от дождя, другая — сухой, с шершавым боком наружу.

Леонардо подошёл ровно настолько, чтобы свет фонаря зацепил его лицо, но не ослепил.

Леонардо Короно: Отпустите её.

Автор: Первый городничий прищурился, пытаясь сфокусироваться.

Мужчина 1: Ты кто такой? Домой иди, мальчик. Взрослые разговаривают.

Автор: Мужчина 2 фыркнул, махнул рукой, будто отгоняя муху, и ещё крепче сжал девушку. Та судорожно вдохнула.

Леонардо не ответил. Он опустил взгляд, будто собирался отступить, и в этот момент его пальцы легко коснулись доски на ящиках. Дерево было тяжёлым, сухим и покрытым занозами, но рука легла на него, как на что-то давно знакомое.

Мужчина 1, почувствовав, что «публика» может уйти, выругался:

Мужчина 1: Сказали же — проваливай…

Автор: Он шагнул вперёд и отпустил девушку, чтобы подтолкнуть Леонардо плечом. Это было именно то, чего тот ждал.

Одним движением Леонардо перехватил его запястье. Пальцы почувствовали холод металла. В руке городничего был складной нож, уже наполовину раскрытый.

Рывок вниз, разворот — и нож легко выскользнул, оказавшись в ладони Леонардо.

Удар в челюсть последовал сразу, без паузы и красивых поз. Кулак пошёл по короткой жёсткой дуге. Кость под кожей хрустнула, как сухая ветка.

Мужчина 1 отлетел к стене, прошаркал плечом по штукатурке и сполз вниз, оставив после себя не след крови, а смазанную линию грязи.

Мужчина 2 опомнился быстрее. Он выругался, отпустил девушку и кинулся на Леонардо — тяжёлый, пьяный, но всё ещё уверенный в своей силе.

Леонардо сделал шаг назад, подцепив носком доску, и, когда мужчина оказался достаточно близко, резко взял её обеими руками и ударил поперёк туловища.

Дерево встретилось с мягким телом с глухим неприятным звуком. Воздух вышибло из груди городничего. Он согнулся, попытался вдохнуть, но получил вторым концом доски по плечу и рухнул на колени.

Нож в руке Леонардо так и остался направленным вниз. Резать он не собирался.

Девушка стояла у стены, прижимая к груди платок, вырванный из рук. Пальцы дрожали так сильно, что ткань казалась живой. Глаза были широко раскрыты, но слёз не было — только пустой, неконтролируемый страх, который ещё не успел вылиться наружу.

Из ближайшей лавки, привлечённые шумом, выбежали двое господ: один — в аккуратном сюртуке, другой — в поношенном, но чистом камзоле. На их лицах читалось не героическое благородство, а человеческое потрясение.

Господин 1: Аврора, всё хорошо? Что эти ублюдки хотели с тобой сделать?

Автор: Девушка истерически бросилась в его объятия и тревожно сказала:

Аврора: Эти ублюдки хотели изнасиловать меня за то, что вы разнесли их ферму.

Автор: Леонардо наклонился к девушке и молодому человеку и сказал:

Леонардо Короно: Да, господа, плохих людей вы решили обнести.

Автор: Второй господин, стоявший между прилавками, подошёл и движением руки разделил Леонардо и плачущую девушку.

Леонардо осторожно посмотрел на него. Он не знал, кто это такой.

Леонардо Короно: Вы кто ей будете?

Господин 1: Я её брат, а это мой друг.

Автор: Господин поднялся с колен, приподнял сестру и, с хрустом сжав кулак, подошёл к Леонардо. Он пристально смотрел ему прямо в глаза.

Господин 1: А ты кто?

Автор: Грубым голосом спросил он. Девушка осторожно протянула руки в сторону Леонардо и сказала:

Аврора: Этот господин меня спас. Иначе эти звери унесли бы меня за три квартала.

Автор: Первый господин, словно мудрый орёл, покачал головой и протянул руку:

Господин 1: Меня зовут Энцо, а моего друга — Ренато.

Автор: Леонардо пожал руки обоим господам и сказал:

Леонардо Короно: Меня зовут Леонардо.

Энцо: Лео, очень приятно. Мы благодарим тебя за услугу, но сейчас ты должен поехать с нами. Ренато, организуй.

Автор: Леонардо с удивлением прищурился и неожиданно почувствовал сильную боль в голове. Стоявший сзади Ренато взял с прилавка доску и ударил ею Леонардо прямо по голове.

Расплываясь в сплошной пустоте, Леонардо начал ощущать сквозь дикую головную боль, как оба господина поднимают его и тащат в неизвестном направлении.

Первым вернулся звук. Глухой, немного чужой. Где-то справа щёлкнула дверная ручка, затем скрипнул пол.

Потом Леонардо почувствовал, как с головы сдёрнули шершавую ткань. Воздух ударил в лицо прохладой, пахнущей воском. Свет резанул по глазам, и он машинально зажмурился.

Когда Леонардо открыл глаза, он уже сидел напротив троих мужчин.

Комната была просторной, с высоким потолком и бледными стенами. За спинами незнакомцев в полутьме поблёскивали рамки картин и бронза канделябров.

Трое сидели не как палачи, а как люди, привыкшие решать чужие судьбы за столом, а не в подворотне.

Слева стоял сухощавый мужчина с тёмными внимательными глазами.

Мужчина 1: Я Даниэле Моретти.

Автор: Рядом с ним стоял широкоплечий мужчина помоложе, с короткой бородой и лёгкой усмешкой в уголках губ.

Мужчина 2: Серджо Моретти.

Автор: Третий находился немного в стороне, словно в тени, но держался прямо, с привычной внутренней свободой.

Мужчина 3: Я Карло Дидро.

Автор: Леонардо почувствовал, как к вискам медленно возвращается тяжесть, а к рукам — ощущение, что они свободны, но в любой момент могут быть связаны.

Даниэле чуть наклонился вперёд.

Даниэле Моретти: Синьор Леонардо, наша семья благодарна вам за то, что вы сделали для моей дочери. Не каждый в этом городе вмешался бы, увидев, как её тащат по улице.

Он говорил спокойно, почти без эмоций, но в голосе слышалась твёрдость человека, который не разбрасывается словами.

Даниэле Моретти: Мы уважаем отвагу и считаем, что за услугу должна следовать услуга. Если вам что-нибудь понадобится, семья Моретти не останется в стороне.

Автор: Леонардо всмотрелся в его лицо, пытаясь понять, где заканчивается благодарность и начинается расчёт. В таких людях добро никогда не бывает совершенно бескорыстным, но слова «мы в долгу» Леонардо давно не слышал от людей, за спиной которых был тёплый дом.

Леонардо Короно: Я подумаю.

Автор: Он поднялся. Никто его не остановил. Не было ни рук на плечах, ни холодного ствола в спину — только внимательные взгляды, провожавшие его к двери.

За его спиной раздался громкий голос Даниэле:

Даниэле Моретти: Один раз посмотри на наш дом — и будешь знать, где нас искать. Его хорошо видно, когда солнце встаёт за горой.

Автор: Коридор встретил его мягким светом. Пол блестел от натёртого дерева, а по стенам тянулись ровные ряды картин.

Когда Леонардо вышел наружу, Неаполь на секунду словно отступил.

Перед ним раскинулся ухоженный двор: ровный гравий под ногами, две конюшни по краям, словно два стража. Лошади фыркали, перебирая копытами, а из открытых дверей тянуло тёплым сеном.

Между дорожками располагались аккуратные грядки и клумбы, где вместо привычных сорняков рос виноград. Зелёные упругие кисти цеплялись за решётки, поднимались вверх и ловили солнечный свет.

Дом за спиной возвышался широким уверенным силуэтом — с балконом, колоннами и окнами, за которыми уже зажигались свечи. Это было не просто жильё, а мир, в котором деньги давно победили грязь улиц.

Леонардо спустился по ступеням, окинул взглядом этот богатый, ухоженный уголок Неаполя и тихо выдохнул. В его голове уже начинали сводиться счёты: между их ветхим домом, старой лозой и этим дворцом с двумя конюшнями и виноградом, который никогда не знал голода.

Он собирался направиться к воротам, но вдруг увидел знакомое лицо. Леонардо запомнил его в тот же миг, ещё до потери сознания.

Это был человек, представившийся ему как Энцо. У него были жёсткая челюсть, широкий лоб и маленький нос. По выражению лица, особенно по серьёзному взгляду, он был очень похож на Даниэле Моретти.

Лео твёрдо подошёл к нему и спросил:

Леонардо Короно: Ну и зачем ты ударил меня палкой?

Автор: Энцо со спокойным видом откусил яблоко и сказал:

Энцо: Всё это было нужно ради великих слов моего отца. Как говорится: услуга за услугу.

Автор: С превеликой гордостью произнёс он.

Леонардо Короно: Сейчас бы мне оказать тебе такую же услугу за то, что ты ударил меня палкой по голове.

Энцо: А вот этого не надо. Ты не знаешь, кто мы такие?

Леонардо Короно: Ну и кто же?

Автор: Энцо откусил яблоко, бросил огрызок в сторону конюшни и сказал:

Энцо: Мы семья Моретти. Слышал что-нибудь про оккупированный Неаполь? Мой отец, его брат и их дядя оккупировали весь этот чёртов город.

Автор: Лео с детства знал, что существуют низшие сословия — люди, а есть бог, который властвует над ними. Но он точно не знал, что обычная, на первый взгляд, семья Моретти властвует над всеми жителями Неаполя.

И эта семья — боги Неаполя — была у него в долгу.

Энцо: Слушай, я сейчас с Ренато еду собирать ежемесячную плату за безопасность. Поехали с нами. Заодно будешь знать, кто перед тобой в неоплатном долгу.

Автор: Леонардо задумался. Ему было интересно, но одновременно казалось, что это опасно. Неожиданно он вспомнил свой разговор с Лоренцо.

Тот боялся продавать алкоголь. А если сейчас Леонардо испугается, то чем он лучше своего брата?

Махнув рукой, он сказал:

Леонардо Короно: Поехали.

Автор: Леонардо Короно, Энцо и Ренато почти одновременно запрыгнули в сёдла. Энцо, старший по возрасту и по цинизму, сплюнул в сторону, поправил ремень с пистолетом и коротко бросил:

Энцо: Сначала лавка, потом фермер. Семья Моретти должна помнить, за что ей платят.

Автор: Улицы Неаполя остались за спиной в клубах утренней пыли.

Они остановились у небольшой лавки в городском квартале. Хозяин, увидев троицу, мгновенно потерял улыбку. На прилавке лежали хлеб и сыр. За всем этим скрывалась ещё одна статья расходов на безопасность.

Ренато молча встал у двери. Леонардо вошёл следом за Энцо.

Энцо: Семья Моретти передаёт привет. Ночью у тебя было тихо? Значит, всё работает.

Автор: Лавочник поджал губы, но серебро всё равно звякнуло о стол. Деньги исчезли в кармане Энцо так же быстро, как испуганный взгляд продавца.

Потом город закончился. Камень сменился сухой землёй, а запах моря — пылью полей.

Они ехали за город, пока между редкими деревьями не показалась ферма: дом, сараи, загон и несколько десятков голов скота, пасущихся на огороженном лугу.

Фермер встретил их у ворот. Широкие плечи, загорелое лицо и потные руки привыкли держать не перо, а вилы.

Энцо: Семья Моретти охраняет дорогу к твоей ферме. Ты платишь — и у тебя всё цело.

Фермер: От кого вы меня охраняете? От таких же, как вы? Никаких денег не будет. Я сам справлюсь.

Автор: Воздух стал плотнее. Несколько секунд тянулись, как верёвка между двумя руками.

Потом фермер резко развернулся и бросился к дому.

Ренато: За ружьём побежал.

Автор: Энцо уже снял с пояса пистолет и протянул его Леонардо.

Энцо: На, Лео. Хочешь выжить — учись стрелять, а не только языком работать.

Автор: Внутри у Леонардо всё сжалось. Он помнил выстрел у шахты, помнил запах крови возле дома Феруччо, но не забыл, как убил Лаэрте и его жену.

Сейчас, вновь взяв пистолет — не с одним патроном, а с полным магазином, — он почувствовал власть над противником. Ведь неважно, сильнее твой враг или слабее: одна пуля может сделать своё дело.

Первый выстрел разорвал тишину, как крик. Фермер высунулся из-за угла с ружьём. Пуля ударила в землю перед копытами лошади. Та всхрапнула, но удержалась.

Леонардо, пригнувшись, ответил, но пуля врезалась в деревянную балку сарая и подняла щепу.

Пара коротких нервных выстрелов туда-сюда — больше шума, чем толку. Пороховой дым висел низко и щекотал ноздри.

Леонардо понял: так они будут стрелять до тех пор, пока кому-нибудь не повезёт. И рванул вперёд.

Он сорвался с места и бросился к дому, обогнув угол. Фермер не успел до конца развернуть ружьё: Леонардо врезался в него всем телом, сбивая с ног. Они вместе рухнули в сухую пыль. Ружьё отлетело в сторону.

Леонардо прижал мужчину к земле, одной рукой упираясь ему в грудь, а другой удерживая его ладонь, чтобы тот не потянулся к ножу. В глазах фермера мелькнул страх — резкий, как вспышка.

Фермер: Ладно! Ладно… Деньги у входной двери, в ящике…

Автор: Ренато уже был там. Он пнул ногой плоский сундук у порога, поднял крышку, и звон монет подтвердил правду. Ренато быстро сгреб серебро в мешочек.

Энцо, всё это время стоявший чуть в стороне, только хмыкнул и, подойдя ближе, посмотрел сверху на лежавшего фермера.

Энцо: Вот видишь. Так бы сразу и целым остался, и нам было бы меньше хлопот. Что за люди пошли…

Автор: Леонардо поднялся, чувствуя, как гулко стучит сердце. Пистолет снова оказался у него в руке, но ствол смотрел в землю.

Он всё ещё учился ходить по тонкой грани между страхом и властью, которую давали ему оружие, лошадь и имя Моретти.

Закат над Неаполем ложился на город тёплой, тяжёлой краской. Солнце медленно опускалось к горам, окрашивая их в медь и золото. Пыль на дороге светилась красноватым дымом, когда три лошади выбрались за последнюю линию домов.

Леонардо, Энцо и Ренато почти синхронно сели в сёдла: спина к спине с дневными делами, лицо к дороге домой.

Лошади шли лёгкой рысью. Копыта негромко отбивали ритм по камню и сухой земле. Ветер тянул за собой запах моря и далёкого дыма из городских кухонь, а где-то позади уже начинали зажигаться первые огни.

Некоторое время они ехали молча. День ещё звенел в мышцах: тяжесть денег в карманах, эхом отдававшиеся выстрелы, крики и короткие команды. Всё это растворялось в мягком ритме скачки и оранжевом свете, который делал тени длиннее самих людей.

Дорога впереди раздваивалась. Правый поворот уходил в сторону дома Моретти, левый тянулся к тому месту, которое теперь Леонардо называл домом.

На перекрёстке они притормозили.

Энцо, щурясь на солнце, которое садилось прямо над холмами, чуть наклонился к Леонардо.

Энцо: Ну что, Короно. До завтра?

Ренато: Постарайся не ввязаться ни в чью перестрелку без нас. Мы ведь тоже хотим развлечений.

Автор: Леонардо посмотрел на них обоих. На Энцо — молодого и резкого, с усмешкой на лице. На Ренато — с его хрипловатым голосом и глазами, которые видели слишком много. За его шутками пряталась такая же усталость, как у всех, кто живёт под чужой фамилией.

Леонардо Короно: Если что, я знаю, где вас найти. А лошадь завтра пригоню.

Автор: Он коротко кивнул.

Энцо ответил таким же кивком, тронул коня шпорой и повернул направо. Ренато махнул рукой Леонардо и последовал за ним.

Их силуэты быстро превратились в две тёмные фигуры на фоне горящего неба, а потом и вовсе растворились в пыли.

Леонардо остался один на перекрёстке. Закат тянул его тень далеко вперёд, будто показывая дорогу.

Он развернул лошадь к левому повороту.

Лошадь послушно пошла вперёд, и Леонардо, не оборачиваясь, углубился в сгущающийся вечер. За спиной оставались горы, закат и два всадника, с которыми он сегодня делил деньги и выстрелы.

Впереди была ночь Неаполя и его собственная узкая дорога, по которой теперь нужно было ехать самому.

Глава 6

Автор: Громкое утро — пение птиц и грохот на кухне — встретило Энцо. Он поднялся с кровати, позавтракал вкусной яичницей, которую приготовила домработница семьи Моретти Альмеринда, и направился в кабинет отца.

Там, под жёсткий стук отцовского кулака по столу и крики его деда Карло Дидро, Энцо понял, что ему снова предстоит собирать деньги с людей за предоставленную его семьёй «безопасность» мирных граждан.

Они с Ренато сели на лошадей и направились по адресам из списка, который дал Энцо его отец.

Энцо поднял воротник камзола, вдыхая утренний воздух Неаполя 1801 года — ещё прохладный, но уже приправленный солью моря и запахом печёного хлеба. Каменная мостовая была влажной после ночной росы, а конские подковы звенели по ней, когда Моретти и Ренато Эспозито одновременно взяли лошадей за поводья и легко вскочили в сёдла.

Их тёмные силуэты на фоне светлеющего неба выглядели как тени людей, привыкших ездить не ради прогулок, а ради напоминаний о долгах.

Город просыпался медленно. Створки лавок только начинали приоткрываться, женщины выносили вёдра к колодцам, ленивый дым поднимался из печей.

Когда двое всадников въехали в узкую улочку, ведущую к пивному дому, разговоры сами собой стихли. Пивной дом старого хозяина стоял на углу, как старый страж: кривые ставни, закопчённая вывеска и тяжёлая дверь, знавшая слишком много историй.

Энцо первым спрыгнул с лошади, небрежно отбросил плащ и уже оказался внутри. Ренато остался у двери, опираясь на косяк, будто случайный гость.

Внутри пахло вчерашним пивом, кислой капустой и затаённым страхом. Хозяин, привыкший ругаться на шумных пьяниц, сейчас лишь вытер руки о фартук и опустил взгляд.

Энцо не повышал голоса. В нём не было ни угрозы, ни грубости — только спокойная констатация порядка вещей. Несколько коротких фраз, шорох мешочка, звон монет о стол — и всё.

Хозяин положил на стойку заранее приготовленную связку серебра, словно подношение в храм. Он платил не только за вчерашнюю безопасность, но и за завтрашнюю тишину.

Они вышли почти так же тихо, как вошли. Лошади повели ушами, когда Моретти снова сел в седло.

Следующим пунктом была лимонная ферма старика, которая пряталась чуть в стороне от основной дороги, за низким каменным забором. Там воздух изменился: вместо пивного духа их обдало влажной свежестью и горько-сладким ароматом лимонных цветов.

Ряды деревьев тянулись вниз, к морю. Жёлтые плоды светились в листве, как маленькие солнца.

Старик уже ждал. Он стоял у калитки — сутулый, но собранный, в выцветшей рубахе, с руками, пахнущими землёй.

Увидев Моретти и Эспозито, он снял шляпу и слегка склонил голову, не глядя им прямо в глаза. Для него это был не визит гостей, а проверка счёта.

Энцо не тратил слов. Он вытащил из внутреннего кармана сложенный список, провёл пальцем по строчкам и нашёл нужную фамилию.

Старик уже доставал из-за пазухи свёрток. Серебро зашуршало, переходя из одних пальцев в другие.

Ренато молчал, только взглядом обводя ферму: деревья, каменный домик, мальчишку у колодца. Всё это жило под их тенью, под той самой «защитой», за которую сегодня расплачивались.

Для него каждый такой дом был клеточкой на большой живой карте Неаполя.

Когда они отъехали от фермы, шум города снова подступил: лай собак, крики торговцев, свист мальчишек.

Энцо развернул список и аккуратно выровнял его на ладони, чтобы не потерялась ни одна строка. Несколько фамилий уже были перечёркнуты чёрными линиями.

Пивной дом — зачёркнут. Лимонная ферма — зачёркнута.

Он провёл пальцем дальше и остановился.

Энцо Моретти: Остался один.

Автор: На бумаге ровно, почти упрямо, темнели буквы.

Энцо Моретти: Дом Лаэрте. Поехали.

Автор: Энцо поднял глаза. Взгляд стал жёстче, линия рта — прямее. Имя было знакомым и тяжёлым, как старый камень в стене.

Он сложил лист пополам и убрал обратно во внутренний карман.

Лошади послушно двинулись вперёд. Улица, будто почувствовав направление, сама вывела их туда, где ожидал последний должник этого утра и где деньги за безопасность всегда платились тяжелее, чем в пивном доме или среди лимонных деревьев.

Тёплый ветер лениво трепал простыни над двором бывшего дома Лаэрте. Камни под ногами уже прогрелись, а лошади Энцо Моретти и Ренато Эспозито тяжело цокали по мостовой, поднимая мелкую пыль.

Они въехали во двор неторопливо, как люди, которые никогда никуда не опаздывают. Опаздывают только те, кто им должен.

Энцо слез с лошади и поправил рукав камзола, будто на нём было написано его имя. Ренато встал чуть позади, плечом к плечу с ним, и только тогда Моретти постучал в дверь.

Не кулаком — костяшками пальцев. Сухо и уверенно, как стучат в собственный дом.

Дверь открылась почти сразу. На пороге стоял Лоренцо Короно.

На нём была простая рубаха, но не та, что висит мешком на пьяном, а та, в которой работают. Лицо обгорело на солнце, под глазами легли тени — как у человека, который давно перестал спать спокойно.

Лоренцо Короно: Синьоры? Лаэрте здесь больше не живёт. Дом теперь наш. Он продал его мне и моей семье.

Автор: Секунда повисла в воздухе, как монета, которую ещё не поймали.

Энцо чуть наклонил голову, будто прислушиваясь к этим словам, а потом обошёл Лоренцо взглядом и посмотрел дальше, за дом.

В задней части двора, у грубой каменной стены, тянулся виноград. Лоза была ещё молодой, но уже цепкой. Листья — зелёные и плотные, а между ними, словно маленькие обещания будущих денег, висели первые завязи.

Земля под кустами была ровно вскопана: без сорняков и следов чьих-то грубых сапог.

Энцо сделал несколько шагов в сторону, чтобы солнце прошло сквозь зелень.

Энцо Моретти: Красиво растёт. Ровно. Спокойно. Значит, ночами к тебе никто не приходит ломать лозу, никто не переворачивает землю и не жжёт бочки. Значит, кто-то следит, чтобы к тебе не приходили лишние гости.

Автор: Он вернулся к двери и впился взглядом в Лоренцо.

Энцо Моретти: В Неаполе за такую тишину платят. Дом мог сменить хозяина сколько угодно раз. Но улица, земля и покой вокруг неё — наши. Пора рассчитаться за безопасность.

Где-то в глубине дома, сквозь полутёмный коридор, донёсся звонкий голос:

Изабелла Короно: Лоренцо! Всё в порядке?

Автор: Это «в порядке» слишком громко ударило по тишине двора.

Лоренцо дёрнул щекой. На секунду он закрыл глаза, словно голос сестры ударил его больнее любого кулака Лаэрте, а потом резко захлопнул дверь за спиной, отрезая дом от двора.

Когда он снова повернулся к Энцо, в его руке уже был пистолет. Чёрный ствол смотрел прямо в грудь Моретти.

Лоренцо Короно: Покой у нас свой. И виноград наш. Ты пришёл к чужому дому, синьор. Отойди, пока ещё можешь ходить.

Автор: Ренато шагнул вперёд, чуть выдвигая плечо, чтобы прикрыть Энцо. Он только открыл рот, как тяжёлая рукоять пистолета со всего размаха врезалась ему в висок.

Удар получился коротким и рабочим, без красивых жестов. Металл встретился с костью, голова Ренато ушла в сторону, и он рухнул на камни, как падает бочка, когда её сталкивают с телеги.

На мостовой расползлось неровное тёмное пятно.

Энцо не дёрнулся. Он стоял так же, как и прежде, только взгляд стал чуть уже.

В этот момент дверь за его спиной снова скрипнула. На порог вышел Леонардо Короно.

Он вытер ладони о штаны, словно только что держал в руках землю или бочку, и остановился, глядя на эту картину: Ренато на камнях, Лоренцо с пистолетом и Энцо, неподвижный, как статуя.

Леонардо Короно: Тихо.

Автор: Это «тихо» прозвучало так, будто он не просил, а приказывал. В нём не было ни паники, ни удивления — только холодная усталость.

Ренато, приходя в себя, поднялся на локоть и всмотрелся в Лео.

Ренато Эспозито: Ты знаком с этим психом?

Автор: Энцо перевёл взгляд с Лоренцо на Леонардо. Впервые в его глазах мелькнуло настоящее удивление, но он ничего не сказал.

Леонардо медленно подошёл к брату. Их разделял всего один шаг. Пистолет по-прежнему был направлен в грудь Энцо, но мир вокруг словно сжался до узкого круга между двумя братьями.

Леонардо Короно: Опусти.

Лоренцо Короно: Они такие же, как он, — почти выплюнул слова Лоренцо. — Как Лаэрте. Как отец. Сегодня придут за монетами. Завтра — за домом. Послезавтра — за Изабеллой. Я не дам им забрать всё.

Автор: Леонардо подошёл вплотную и обнял брата. По-настоящему, крепко. С тем запоздалым теплом, которое обычно приходило в их дом только в чужих рассказах о хороших семьях.

Леонардо Короно: Ты тупой, Лоренцо.

Автор: Слова прозвучали тихо, почти ласково, так что слышал их только брат.

В этот же момент между их телами блеснул металл. Нож вошёл не красиво — коротко, сбоку, под рёбра. Так бьют не те, кто играет в бандитов, а те, кто уже давно живёт в мире, где второй попытки не дают.

Лоренцо дёрнулся. Воздух вышел из него рваным звуком. Пальцы на рукояти пистолета дрогнули, дуло на миг задралось вверх, а затем рука обмякла.

Леонардо удержал его, не давая сразу рухнуть. Лоренцо начал задыхаться и медленно опускаться на землю. Кровь текла из правого бока.

Холодный нож торчал из небольшой кровавой раны, через которую будто проникал холодный уличный ветер.

Леонардо сильнее надавил на нож. Лоренцо начал терять сознание и понимал, что брат поступает с ним так же, как он сам поступил с отцом пять лет назад. Только теперь Лоренцо не мог выбросить из головы мысль о том, что сделал для брата нечто ужасное.

Леонардо Короно: Ты загубишь семью Короно. Думаешь, что воюешь с ними, а на самом деле тащишь нас обратно в шахту. На алкоголе можно заработать. На вине, на пиве. На страхе

тоже можно. Но своим дешёвым геройством ты делаешь из нас простолюдинов, которых завтра снова продадут за пару сотен монет.

Автор: Кровь тёплым пятном расползалась по рубахе Лоренцо. Глаза брата метались, пытаясь зацепиться хоть за что-то: за лицо Лео, за кусок неба над двором, за тёмный ствол пистолета, который уже ни на кого не был направлен.

Леонардо аккуратно опустил брата на камни и прислонил его спиной к стене дома, за дверью которого тихо жила их семья.

Изабелла Короно: Лоренцо? Лео? Что там?

Автор: Голос сестры звучал глухо, через дерево, словно доносился из другой жизни. Никто не ответил.

Энцо наконец отвёл взгляд от умирающего парня и посмотрел на Леонардо. В этом взгляде не было жалости — только признание факта.

Энцо Моретти: Ты сделал выбор.

Автор: Он перевёл взгляд на задний двор, туда, где в тишине рос виноград.

Энцо Моретти: Мёртвым мы счета не выставляем. В честь чего ты нас выручил? Мы ведь познакомились не так давно.

Леонардо Короно: Добрым здесь места нет, синьоры.

Автор: Он посмотрел на брата, который жадно хватал воздух. Взяв с его призрачно-белой руки пистолет, Леонардо открыл барабан и увидел последний патрон.

Он улыбнулся, нацелился на Лоренцо и сказал:

Леонардо Короно: Эта пуля ждала тебя, брат.

Лоренцо Короно: Лео… почему?

Леонардо Короно: В мире нет места добрым и наивным — таким, как ты или наш отец. Жестокие правят миром.

Автор: С этими словами он нажал на курок. Прозвучал выстрел, разрезавший тишину, а потом снова стало тихо.

Во дворе бывшего дома Лаэрте стало тихо, как бывает тихо только там, где уже прозвучал главный выстрел.

Виноград за домом продолжал тянуться к солнцу. Он не знал, что в этот день под его корнями впервые пролилась кровь, которая превратила семью Короно не в жертв, а в людей грязного ремесла, где доброе сердце — не подарок, а приговор.

Дверь первой не выдержала тишины. Скрип петель разрезал двор, и Изабелла вылетела наружу, будто дом сам вытолкнул её навстречу правде.

На ней была простая светлая рубаха, по щеке уже тянулась тонкая дорожка слёз. Она сделала два шага, увидела Лоренцо, прислонённого к стене, и мир под её ногами рухнул.

Изабелла Короно: Лоренцо…

Автор: Голос сорвался на полуслове. Она упала на колени прямо в пыль. Подол рубахи тут же намок от крови и земли.

Пальцы вцепились в плечо брата, будто она могла удержать его в жизни силой рук. Губы шептали что-то бессвязное — те же детские молитвы, которыми она когда-то просила Бога не забирать мать.

Чезаре Бьянки выскочил следом. Его ботинки скользнули по камню, но он вовремя ухватился за косяк.

Увидев картину во дворе, он не стал кричать. Просто опустился рядом с Изабеллой, обнял её за плечи и прижал к себе, не давая рухнуть всем телом на Лоренцо.

Чезаре Бьянки: Bella, basta… Хватит…

Автор: Изабелла билась в его руках, пытаясь вырваться, дотянуться до лица брата и закрыть ему глаза ладонями, будто так можно было закрыть и саму смерть.

Леонардо стоял рядом, всё ещё тяжело дыша. В руке Лоренцо по-прежнему висел пистолет — бессильный, как выбитый зуб.

Лео подошёл, аккуратно, почти бережно взял оружие у мёртвого брата и одним движением отшвырнул его в сторону. Пистолет глухо ударился о камни, покатился и замер у самой стены.

Леонардо Короно: Тихо, Изабелла…

Автор: Он опустился рядом, положил ладонь ей на затылок и спрятал её голову у себя под подбородком. Пахло потом, кровью и виноградной землёй.

Леонардо Короно: Он уже ничего не чувствует. А ты ещё чувствуешь. Значит, ты должна жить. Для себя. Для Чезаре. Не для него.

Автор: Она всхлипнула. Этот звук пронзил и Энцо, и Ренато сильнее любого выстрела.

Чезаре крепче сжал её и едва заметно кивнул Лео — как мужчина, который понимает, что сегодня их семья стала другой и пути назад нет.

Леонардо медленно поднялся. Кровь на его рукаве уже темнела, как засыхающее вино на белой скатерти.

Он выдохнул, провёл ладонью по лицу, стирая усталость, и подошёл к Энцо и Ренато.

Леонардо не кланялся. Он просто встал напротив, на расстоянии вытянутой руки.

Леонардо Короно: Синьоры Моретти.

Автор: Он бросил быстрый взгляд на Ренато.

Леонардо Короно: И Эспозито.

Автор: Пауза повисла между ними, как тонкий лёд.

Леонардо Короно: Сейчас вы думаете, что я вам должен: за безопасность, за то, что не сожгли этот дом, за то, что не сломали мой виноград. Но правда в том, что сегодня вы в долгу у меня.

Ренато Эспозито: Это с какого места, мальчик?

Автор: Лео кивнул на Лоренцо.

Леонардо Короно: Потому что перед вами лежит человек, который был готов стрелять вам в грудь. И остановил его не выстрел, а я.

Я убрал того, кто никогда бы вам не поверил и никогда бы не стал вашим. Я вырезал собственную кровь ради тишины в этом дворе. Ради того, чтобы вы могли прийти сюда завтра и послезавтра не с пистолетами, а с бумагой и цифрами.

Автор: Энцо смотрел на него пристально, не мигая. В его глазах что-то сдвинулось, поменялось местами.

Энцо Моретти: Продолжай.

Автор: Лео чуть расправил плечи, словно входил не в разговор, а на сцену.

Леонардо Короно: Я не хочу быть тем, кого пересчитывают по головам и продают в шахту. Я хочу быть тем, кто считает.

Ваша семья контролирует улицы, пиво и страх. Но Неаполь — это не только пьяные и драки. Это вкус. Италия — не страна пива. Это страна вина.

Автор: Он кивнул в сторону заднего двора, где за домом тихо шуршали листья.

Леонардо Короно: Пиво горькое. Его пьют, чтобы забыться, подраться или уснуть носом в столе. Вино — другое. Оно слаще. Оно мягче. Его пьют не ради забвения, а ради вечера. Ради женщины напротив. Ради разговора.

Автор: Он сделал шаг ближе и понизил голос, почти перейдя на шёпот:

Леонардо Короно: Дайте людям вино, которое будет дешевле, чем у синьоров с холмов, но вкуснее, чем их пиво с рынка. Они забудут про кружки и начнут заказывать бутылки.

А за бутылками понадобятся ящики. За ящиками — погреба. За погребами — люди, которые всё это охраняют и разносят.

И кто тогда будет считать монеты? Не пивовары. Те, кто держит за горло вино.

Автор: Ренато переглянулся с Энцо. В его взгляде впервые появилась не злость, а интерес.

Ренато Эспозито: Думаешь, все итальянцы вот так разом бросят своё пиво ради твоего винограда?

Автор: Леонардо усмехнулся без радости.

Леонардо Короно: Они уже когда-то бросили хлеб ради макарон. Бросят и пиво ради того, что слаще.

Мы будем продавать не просто выпивку. Мы будем продавать ощущение, что люди стали важнее, чем есть на самом деле.

Пиво делает из человека скотину. Вино делает вид, что он синьор.

Автор: Энцо чуть качнул головой. На его губах мелькнула тень улыбки.

Энцо Моретти: Ты хочешь предложить идею или место за столом?

Автор: Леонардо посмотрел ему прямо в глаза.

Леонардо Короно: Я хочу присоединиться к вашей семье. Официально. Работать на вас. Развивать ваше дело.

Вы сегодня видели, на что я готов ради семьи и порядка.

Автор: Он на миг обернулся назад. Изабелла всё ещё стояла на коленях, прижатая к груди Чезаре, словно к последнему островку.

Леонардо Короно: У меня теперь тоже есть семья. И если я пойду один против этого города, нас перемелют, как уголь под киркой.

Если я буду с вами, мы все вытащим из этого города столько, сколько он вообще может дать.

Автор: Повисла тишина. Где-то вдали крикнул торговец, зазвенела телега. Здесь, во дворе, всё застыло.

Энцо перевёл взгляд с Леонардо на виноград, с винограда — на кровь Лоренцо, с крови — на Изабеллу и Чезаре. Потом снова посмотрел на Лео.

Энцо Моретти: Ты много хочешь, Короно.

Автор: Леонардо кивнул.

Леонардо Короно: Мало хотеть — это путь моего отца. Я таким быть не собираюсь.

Автор: Ренато фыркнул, но без злости.

Ренато Эспозито: Что ты хочешь взамен, кроме того, чтобы тебя завтра не сдали стражникам за этот труп у стены?

Автор: Лео задержал дыхание на секунду. Сейчас решалось то, ради чего он вообще вытащил нож.

Леонардо Короно: Я хочу, чтобы вы взяли под защиту не только меня, но и мою сестру — Изабеллу, — а также её мужа Чезаре.

Они будут работать честно. Она умеет говорить с людьми лучше, чем любой торговец. Он не дурак в расчётах.

Им не место в грязи, но если я иду с вами в неё по колено, то хочу, чтобы их хотя бы держали подальше от ямы.

Автор: Энцо вскинул бровь.

Энцо Моретти: Ты просишь, чтобы семья Моретти приняла под своё крыло женщину?

Леонардо Короно: Я прошу, чтобы семья Моретти приняла под своё крыло тех, ради кого я только что убил собственного брата.

Автор: Он сделал шаг назад, словно подчёркивая свою позицию: не проситель, а игрок, положивший карту на стол.

Леонардо Короно: Я отдал вам того, кто мешал вам войти в этот дом. Взамен хочу, чтобы вы помогли мне сделать так, чтобы из этого дома вышли живыми те, кто ещё может жить.

Я буду работать на вас день и ночь — в погребах, в порту, на переговорах. Я знаю, как говорят на рынке, как пьют в порту, как матерятся в шахтах. Я соединю всё это в одну сеть.

Вино, Энцо. Вино сделает вас богатыми, а меня — нужным.

Ренато Эспозито: Хитрый ублюдок.

Автор: Энцо долго молчал. Потом медленно протянул руку — не для рукопожатия, а чуть в сторону заднего двора.

Энцо Моретти: Виноград мне нравится. И то, как ты держишь свой дом, мне тоже нравится.

Я скажу слово своему отцу — за твою семью и за твою идею. Если вино сделает нашу семью влиятельнее, мы тебя не забудем.

Глава 7

Спустя месяц*

Автор: Небольшая яма казалась раной в земле. Её края ещё были сырыми, рыхлая тёмная земля осыпалась мелкими комьями вниз, на тело, завёрнутое в грубую ткань.

Вечерний Неаполь дышал над ними тяжёлым влажным воздухом. Где-то далеко лаяла собака, звенели чьи-то шаги по мостовой, но здесь, за домом, было тихо, как в вымершей часовне.

Изабелла стояла босиком, и пальцы её ног утопали в холодной земле. Слёзы уже высохли, оставив на щеках тонкие солёные дорожки. Она смотрела вниз, туда, где под слоем ткани угадывались знакомые очертания плеч, и долго молчала.

Потом, не поднимая взгляда, тихо сказала:

Изабелла Короно: Оно стоило того, Лео?

Автор: Её голос прозвучал так, будто она спрашивала не только о яме у своих ног, но и обо всём их пути — от маленького неаполитанского дома до этого вечера.

Леонардо стоял рядом. Его руки были в земле, ногти почернели от работы лопатой, а рубаха на груди намокла от пота. Он тоже смотрел вниз, но в его взгляде уже не было растерянного мальчишеского ужаса — только жёсткая, принятая реальность.

Леонардо Короно: Ещё как. Я покажу тебе новый мир, сестра. Не тот, где нас считают по головам и продают, как уголь. Мир, в котором наши дети не узнают, что такое шахта.

Изабелла Короно: Это вообще законно?

Леонардо Короно: Да. В этом мире закон прост: кто более жесток, тот и главнее. Таков закон мира, в котором мы с тобой живём.

Автор: Он повернулся к ней лицом.

Леонардо Короно: Добрые живут в нём до первого удара. Потом их хоронят вот так же — без священника и без речей. Если я хочу, чтобы ты жила дольше, чем до первого удара, мне приходится быть хуже тех, кто у нас всё забирал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.